

ОДЕССКАЯ АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ

«Кайнозойские Сумерки»

Южнорусский Союз Писателей
Одесса
2008

Литературно-художественная антология

«КАЙНОЗОЙСКИЕ СУМЕРКИ»

В Одесскую антологию поэзии вошли избранные произведения авторов Южнорусского союза писателей (Одесское областное отделение Конгресса литераторов Украины). Издание является отражением современного литературного процесса в Одессе.

Составитель:

Сергей Главацкий

Предисловие:

Станислав Айдинян

Редакционная коллегия:

Станислав Айдинян

Сергей Главацкий

Евгения Красноярова

На обложке использована работа Виталия Аликберова «Осенний Сон».

Предисловие

Составитель Одесской литературно-художественной антологии «Кайнозойские Сумерки» в названии подразумевает грядущие трагедии Планеты и человеческого мира... Мы живём в конце кайнозойской эры, в эпоху, когда чередуются похолодания и потепления в жизни континентов. В человеческой жизни лёд сменяет пламя, равнодушие и застой взрываются войнами, катастрофами и катаклизмами. Нам свойственно антропоморфизировать Природу и переносить на неё свои чувства, мысли и смыслы, как и Природа переносит свои влияния, жару и холод, дожди и снег, приливы и отливы, также и тонкие вибрации – на нас. Мы пережили немало эпох, когда что-то оканчивалось. Оканчивались государства, течения в литературе и музыке, жизни наших современников, великих и невеликих, оканчивались даже реки и города.

У каждой эпохи есть своя трагедия и своя завершающая песня, тем не менее, надо сказать, что жить в эпоху завершения достаточно ёмко и интересно, если открыться ей и полной грудью дышать её ветрами. Любое завершение относительно. Как и любое окончание. В апокрифическом Евангелии от Фомы сказано: «Нашли ли вы начало, чтобы искать конец. Там, где начало, там и конец».

Время климатических изменений говорит о том, что, возможно, сбываются некоторые, отнюдь не оптимистические эсхатологические предсказания. Жизнь любого человека конечна. И в этом ее апокалипсис. Каждый из авторов привнес в поэтический состав этого сборника именно то сокровенное, чем высказалась его душа в поэзии. Поэтические сообщества столь большого круга поэтов, объединенные подчас только «местом и временем» своей жизни, всегда уникальны, потому что дают ценный срез поэзии периода, региона.

Авторы сборника поэтически многолики.

Юлию Петрусевичоте многие считают одной из самых лучших поэтесс Одессы. Ее стих филигранен, современно остр, одновременно ей присуще многосмысловое наполнение стиха –

философские мотивы ей легки и органичны. При богатой образности она чаще всего самостоятельна и столь же часто лаконична, у нее немало циклов, каждый из которых образует небольшую книгу. Ее душе тесно в одном каком-либо жанре искусства, она талантливый художник-график, она же – театральный режиссер андерграундного театра для молодежи. Ставит она Гоголя, Гофмана, Сэллинджера. Как-то она о себе сказала: «Живу по принципу – завтрашнего дня не будет». Думаю, Юлию, как и некоторых других одесских поэтов, уже при жизни можно было бы зачислить в классики одесской антологической поэзии.

Алёна Щербакова – поэт, переводчик, художник, автор песен и... автор кукол. Сама она о себе сказала: «Мировой архив Слова – мой спутник и алтарь. Мой голос – моя личная молитва Танцу Вечности. Созданное мной – лучшее и честное зеркало моей жизни». Её стихи достаточно широкого смыслового звучания, их течение полноводно. Иногда кажется, что в смысловом отношении она заколдовывает саму себя.

Алексей Богатырёв, поэт и художник, избрал своим жанром восточные по звучанию однострочия. Его взгляд в жизнь – идёт «со стороны», его «анализ отстранённости» парадоксален и прихотлив. Но он не абстрактен, в нем достаточно много жизни. А. Богатырёв Одессе известен своими выставками, и тем, что он режет из тростника флейты и играет на них ломкие причудливые мелодии. В изобразительном искусстве, да и мировоззрении он в своё время многому научился у своих учителей, легендарного Валентина Хруща и его друга Е. Рахманина. Алексей бывает очень афористично емко, например, он говорит: «Путь воина проходит через долину женщин, потом через долину Смерть».

Поэт, лауреат премии К. Паустовского **Анатолий Михайленко** – представитель старшего поколения. Это прирождённый лирик. Пишет он, как и некоторые иные авторы сборника, на русском и украинском языках. Его основное движение – от сердца к Природе и от Природы к сердцу. Он воспел «осени кротость» и «белую грусть хризантем», и сделал это изящно, открыто, с какой-то простой силой, мало свойственной времени, в котором он жил, и,

тем не менее, перо Михайленко не архаично, оно искренне и внеэпохально.

Анна Стреминская-Божко считает себя «...поэтом произвольной медитации: внезапных отключений от реальности и потоков сознания». «У меня всегда было стремление к гармонии, к вечным ценностям, к сфере духа» - так сама она определяет сферу своих интересов. Учителем Анны был одесский поэт Ю. Михайлик, которому она обязана владением поэтической техникой. Клуб-студию «Круг», им руководимую, она посещала с 1983 года. Стихи Анны кантиленны, в них идёт развитие какой-либо лирико-ритмической темы, которая по ходу развития стихотворения выстраивает сама себя.

Анна Яблонская – известный молодой драматург и поэт, лауреат нескольких премий за драматургические произведения. Ей подвластно и мастерство эссеиста. Печаталась как прозаик, в журнале «Октябрь», и не только в его известном «одесском» выпуске. Ей свойственны мотивы до глубины прочувствованного одиночества и неприкаянности, её образы апокрифичны, в них скорее лирическая, чем выверенная библейским канонами убедительность. От её строк веет холодным ветром. Это поэзия лирической горечи и трагического самоосознания на краю бездны, у кромки бытия.

Валерий Сухарев, поэт среднего поколения. Он вкрадчивый созерцатель. Создавая свои графичные по духу образные анфилады, вписанные, как правило, в объёмные стихотворения, он может внезапным ироническим пассажем посреди стихотворения заметить: «Всякая местность обширней, чем кажется нам». И от таких вех объём всего стихотворения становится чётче и богаче – ему свойственны и доминант-аккорды, которые запоминаются. «...и когда с ума // Сходит листва, в тираж выпадая». У него бывают камертонные начала стихотворений и не менее выразительные окончания, как, например: «Обветрилось зреньё, дыма и морща по краям, // И к дому теперь хороши любые пути». Существует аудиозапись, где о ранней поэзии В. Сухарева высказывается старейшая писательница России А.И. Цветаева.

Галина Маркелова – поэтесса доминантного античного мотива. Она автор нескольких поэтических сборников, среди них

«Прощание с Овидием» (2001), «За обладание звуком» (2001), «Ave Utamaro» (2002), «Отзвуки лета» (2005), «Картавые кораллы» (2007). Неоднократно печаталась в толстых журналах, альманахах. Ее стихи много лет не печатались, поскольку цензура не пропускала столь «безыдейной поэзии». Порой Г. Маркелова склонна писать о чувственном начале человека, о дионисийском и даже вакхическом началах. Ее поэзия стремится к античной метрике но, на самом деле, это – метрически оснащенный верлибр, который чередуется часто с большими рифмованными фрагментами, что не было свойственно «временам цезарей».

Евгения Красноярова – поэт, драматург. Гриф поэзии Е. Краснояровой это самопогружение, самопознание. Её «Я» стремится выйти в таинственный и запредельный круг цивилизаций и даже Вселенной и осознать себя в этом круге. В этих поэтических речениях есть что-то от мелодии древней сивиллы, видящей вневременные сны. Её мечтания улетают в города ангелов или в далёкие степи. К своему лирическому герою она обращается не только как к спутнику, способному увести её за земные пределы но, одновременно, с отвержением. Ей явно мало земного пространства, её путь – за многие далёкие мечтанные пределы... Строфика её свободна, как и перелёты от темы к теме, которыми богата её поэзия.

Ефим Ярошевский – признанный поэт Одессы. Первоначальную известность в городе Ефим Яковлевич получил как талантливый преподаватель русского языка и литературы, которому многие поколения его учеников обязаны увлечённым знанием предмета. В поэзии Ярошевского соединяются сложно-метафорические искания со своеобразными прозаизмами, в которых явственны (однако ненавязчивы) чисто одесские мотивы. В своё время в рукописях, в самиздате ходили и его стихи, и ныне известный текст романа «Провинциальный роман-с», в котором он рассказал об оригинальных образах одесской богемы 1960-70 гг. Среди давным-давно состоявшихся личностей в литературной истории Одессы полнозвучно имя **Ильи Рейдермана**, чьи статьи в большой периодике в советские времена выходили под псевдонимом Илья Рудин. Еще в его юные годы поэтический талант Ильи Рейдермана заметила Анна Ахматова. Начинал он как

журналист, лекции читал с молодых лет. Лекции по культурологии читает по сей день, расширяя масштаб и объем культурного поля Одессы, знакомя поколение за поколением с вечными ценностями. «Философия всегда была близка моей душе, особенно философия культуры», – пишет Илья Рейдерман. В поэзии И. Рейдермана сочетание легкости и лирической поэтичности. На склоне лет потеряв всех своих близких, поэт, тем не менее, продолжает жить, неустанно отдавая свои знания заинтересованным молодым. И в нем, несмотря на возраст, есть горячая заинтересованность жизнью, людьми, искусством.

Марк Эпштейн, поэт, в молодости, как и А. Божко, принадлежавший к «студентам» студии Ю. Михайлика. Стихи М. Эпштейна с ранних их истоков привлекали внимание современников. Он автор поэтической книги. Покинул Одессу для западных горизонтов, но притяжение Города оказалось сильнее, Марк вернулся и вновь звучен как поэт. О себе он сказал: «Я филолог, преподаватель английского языка (а то и литературы). Занимался всем. Преподавал. Теперь – журналистика, переводы. Работал везде. Жил повсюду. Сейчас – в Одессе». Эпштейн пишет с волевым нажимом, лексика его порой низвергается в самые низины словаря, однако во многих его стихотворениях, тем не менее, присутствует проникновенная, щемящая нота.

Юлия Мельник принадлежит к молодому еще поколению одесских поэтов, она автор многих публикаций в периодике, в альманахах, да и собственных поэтических книг. Это поэт достаточно тонкой струны. Поэт потомственный, ибо и дед ее писал стихи, на украинском языке.

Ирина Дубровская – член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг. Самые близкие ей величины в культуре – Чехов, Блок, Комиссаржевская, Рахманинов, Врубель. Она выросла в старинном одесском доме, где «осела пыль веков». Поэзия ее подобна «вольному ветру», это скорее не поэзия оттенков, а поэзия смыслов. Остроумная в жизни, она порой в поэзию вносит это качество.

Сергей Главацкий, – его поэзия при ритмическом разнообразии отличается совершенно своеобразным музыкальным ключом, отмыкающим галерею за галереей цепи культурных и образных

ассоциаций, образующих сложные по структуре и смыслу венки, укладываемые в одно, как правило, не краткое, стихотворение. Сергей признает свою духовную принадлежность к последователям Серебряного века, однако такое родство скорее внутреннее, чем внешнее, поскольку его стихотворения – это прежде всего проекция его внутреннего мира. Мир этот очень хрупок, он поблескивает хрустальными гранями разных смыслов, они неизменно поэтичны, - и музыкально напоминают мелодию, наплывающую аккорд за аккордом. Обращены стихотворения, как правило, к лирической героине. С. Главацкому удалось за несколько лет поэтической общественной деятельности объединить вокруг себя большой круг пишущей молодежи – молодых писателей и поэтов Одессы. Он стал объединяющим началом для лучших современных и не только молодых литературных сил. Признан многими представителями старшего поколения, - поэтами и писателями, избранные из которых свою творческую жизнь давно перенесли за рубежи иных горизонтов. Устраиваемые им в залах музеев и организаций Одессы вечера привлекают немалое внимание. О нем и его деятельности не раз писали в периодической печати. Его стихи публикуют далеко за пределами Одессы. Сергей автор нескольких поэтических сборников, наиболее полным из которых стала книга «Неоновые пожары» (2006), включившая в себя несколько законченных поэтических циклов. С. Главацкий – поэт и облик, и душой; его одаренность проявилась весьма рано, а организаторский талант сподвиг его помочь Одессе не потерять поэтической традиции, и осуществить связь меж поколениями старейших и новейших поэтов города. Южнорусский союз писателей, который деятельно существует как одесское областное отделение Конгресса литераторов Украины, вместили, по сути, наиболее живые и талантливые силы литературы – живущих ныне и творящих личностей, которые на самом деле и образом жизни и творчеством всемерно доказывают искреннюю принадлежность к кругу людей, создающих культурную атмосферу Одессы.

Сергей Нежинский, поэт и журналист, также принадлежит к молодому поколению. Он силен своим лирическим лаконизмом, не чужд традиционным образам, в которые тёмной волной

вливаются волны горечи, трагические перепады. Да, он, пожалуй, отличен своим трагизмом, но это не значит, что нетрагические стихи его хуже по форме или по смыслу. Как и другие поэты его поколения, известен и чтением своих стихов и публикациями в периодической печати. Живет в г. Южном, близ Одессы.

Инна Богачинская – человек и поэт немалого обаяния. Её авторские поэтические вечера, проходящие во время её приездов в Одессу из Нью-Йорка, где она живёт уже много лет, имеют шумный успех. У неё в Одессе немало исключительно преданных друзей, у многих из которых на полках стоят её книги, изданные «за горизонтом», такие, как «СТИХИЯ», «Подтексть», «В четвёртом измерении», «Перевод с космического». В них Инна путешествует из поэзии в прозу и из прозы в поэзию. Её переводят на английский язык, делает она и автопереводы. В творческом состязании с собой она живет как человек свободный, чувствительный и отзывчивый, каким и является в жизни. Она – профессиональный переводчик-синхронист. Некогда окончила английскую 121-ю школу в Одессе, потом и Одесский университет. Эмигрировала в США в 1979 году.

Вадим Гринберг и Вадим Пистолетoff – настоящее имя и поэтический псевдоним художника и поэта Вадима Евгеньевича Гринберга. Родился он в 1947 году в Одессе. В мастерской В. Гинберга в 1980-е годы был салон авангардного искусства, где встречались известные представители художественно-артистической богемы. Помнится, на улице Пироговской в 1960-ые годы в частном доме был салон французской культуры, который держала Надежда Иммануиловна Свирская, тётя В. Гринберга по линии его отчима, Евг. Гринберга, талантливого графика, архитектора и самобытного поэта. Так что создание арт-салонов для поэта и художника – явление наследственное, семейное. В.Гринберг — основатель художественно-авангардного течения *Batch art* (от *batch* – замес). Он актуализирует гармоническое смешение стилей и векторов, идей и платформ искусства, цель которого, по его же словам, – вселенский синтез красоты. В творчестве Гринберга есть определённое противоречие между классической, порой усложненной, формой образности и авангардным стилем названий, да и его псевдонима. Так, Вадим

известен своими поэтическими вечерами, на которых он блестяще читает свои стихи в классической манере, при этом одежда исполнителя вызывающе провокативна и авангардна... Выставки его наблюдаемы по всему миру — они проходили в музеях США, где он долго жил близ Голливуда, в Лос-Анджелесе, с бывшей супругой, известной художницей-дизайнером Ниной Волковой.

Ирина Дежева – поэт, насыщающий эмоциями кажущиеся на первый взгляд абстрактными, на самом же деле очень прочувствованные строки. Эта поэзия не для всех. Надо поверить в искренность того, кто попытался передать пунктир первоформ подсознательных чувствований... В жанровом отношении Дежева проплывает меж берегами неофутуризма и неосимволизма, отплывая на корабле своего «Я» в даль собственных познаний и образных прозрений. Автор поэтической книги, участвовала в «Антологии современной русской поэзии Зарубежья» (2005, Москва).

Михаил Флоря – по определению С. Главацкого «поэт геометрии времени». Он также музыкант, много лет – солист и гитарист одесской рок-группы «Эос». В порой неровных и ломаных строках этого поэта проявлен индивидуальный визуально-чувственный мир, пронизанный сложной ассоциативностью, апеллирующей к душе читателя, оснащённого культурой. Ассоциации здесь важнее, чем какие-либо конкретные, чёткие сюжетные линии.

Наталья Тараненко – поэт лирической ясности. В её стихах чудится давний отзвук Лермонтова. Она пишет стихотворные акварели, ее палитра – весенних тонов, в стихотворения Натальи заглядывает малый лучик солнца. Было время, когда поэтессе присущи были более тёмные настроения, и в её лирике наблюдалось больше гражданских мотивов. Но настал момент, когда она сказала: «Года тянулись, как века... / Но пусть усталость и тоска / Мне не туманят ясный взгляд». И с тех пор тоска сменилась ощущением свободы и воли. Наталья создала в себе, намечтала, отъединённый и гармоничный остров для своей поэтической души, и стала жить на нём, стараясь быть верной самой себе.

Яна Пизинцали – лирик исключительно индивидуального чувствования. Её образы порой недопроявленны, будто душа смотрит на мир сквозь многослойное цветное стекло.

Одновременно, в её метафорическом строе сияют настоящие находки-бриллианты: «Где зима нас связала на спицах»... Её стихи очень нравятся представителям старшего поколения, – И. Павлову, И. Рейдерману. Нравятся потому, что поэзия её исповедально-поэтична.

Игорь Павлов – известный поэт старшего поколения, первый рассвет его творчества пришёлся на 1960-е гг. Когда-то был актёром Одесского украинского театра, но недолго. Талантливый художник, особенно в жанре анималистики. Коты его неподражаемы, выразительны. Игоря Павлова можно причислить к наиболее известным и уважаемым поэтам старшего поколения. Его образ жизни – образ жизни поэта. Находясь уже в весьма преклонном возрасте, он не имеет постоянного пристанища: дом потерял, все близкие отошли в иной мир, нет в живых ни жены, ни дочери. Жить и быть ему помогает волевое начало, унаследованное от его предков, среди которых есть и германцы. Мать Павлова из рода композитора Сихра, писавшего произведения христианской тематики. В молодые годы был близко дружен с легендарным директором Одесской государственной научной библиотеки А. Н. Тюнеевой, был посетителем салона знаменитой женщины-философа М. В. Цомакион. Огромная искренность и открытость сердца вкупе с пристальным, волевым, иногда проничным взглядом приводит этого поэта к непринуждённой, одновременно глубокой и серьёзной метафорике. В его лучших произведениях Павлов выдерживает сюжет стихотворения, умея приковать внимание нетерпеливого читателя. В нём воплотилось лучшие черты, свойственные поэтам-лирикам его поколения.

Мария Савченко – поэт-верлибрист эпической устремлённости. Многие мотивы, сокровенные этому поэту, трудновыразимы. Образы поэтично-антропоморфны: «... Я юрта – сосуд с горлышком в небо, / Вокруг пасутся стада и много снега». Её поэзии, как и самому поэту в жизни, присущи темпераментная открытость, благожелательство. Принимает деятельное участие в создании видео-сценариев, в пластическом решении поэтических акций, вечеров в Одессе. Стихи её посланы в альманахи и периодические издания, где ждут публикации.

Алёна Артюшенко пишет резкие, выстраданные, не всегда полностью оговоренные стихи, выражая, как она говорит, свою «трезвеющую суть», она – обладатель дара выдыхать весьма ярко свои внутренние бури. Это мятущееся «Я», воспринимающее жизнь как «страх и выбор»...

Семён Абрамович, – основа его поэзии – искренность, честность, реальное чувство. Он считает, что только пережитое, пропущенное через себя достойно стать темой стихотворения. Поэт говорит, что написанное должно отзываться в душах и сердцах людей, читателей любого уровня, оно должно быть общедоступно. Он причисляет себя к романтикам и лирикам. Считает, что может вербально определить, что такое Ненависть, но, что такое Любовь, которую он столько раз носил в сердце, сказать не может, для него это – неразгаданное чувство, раскрытием тайн которого лирически постоянно занято его перо...

Людмила Шарга. Когда её спрашивают о её поэтическом credo, она отвечает фразой Альфреда Мюссе: «Талант мой невелик, но всё же я не подражатель». Она ощущает свою поэзию как устремлённую в мир попытку созвучия. Она хотела бы своей строкой приоткрывать путь «к себе». Она говорит: «Может быть, кто-то в моих стихах узнает себя и скажет – Да это же обо мне!». Ей хочется, чтобы горел факел, мигал маяк в ночи, давая направление человеческим душам.

В антологии помещены рисунки целого ряда одесских художников-графиков. Среди них особенно выделяется живущий в Одессе известный мастер-график Константин Скопцов. Искусство Константина Скопцова положительно символически метафорично. Оно служит стремлению к отражению той полноты мира, которой владеет душа художника. Он пускался на поиски пластических форм, отражающих то, что Бог скрыл в каждой снежинке, создавая красоту, но по дороге к Красоте наталкивался на глубину смысла и застывал в Созерцании. Его выставки проходили в Москве, в Одессе и далеко за рубежом. Его работа, например, хранится в Музее «Modern Renaissance» в Бостоне. Он – почётный академик Российско-итальянской Академии Феррони,

представитель французской арт-ассоциации «Феникс» на юге Украины, лауреат диплома Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Успешно выставлялся в художественном клубе «Екатерининская площадь», существующем в Москве международном отеле «Космос» и посвящённом культурному единству Москвы и Одессы.

Среди выдающихся графиков, нашедших достойный приют на страницах антологии, также выделяется Сергей Удовиченко. Выпускник Львовского института, он жил и работал в Одессе в своё время до отъезда в Израиль, затем в Германию. В художественных кругах был достаточно известен. В Германии ещё в советские годы побывав в гостях у своей тётки, он отдал в дар Музею Альбрехта Дюрера ряд своих графических листов. Вскоре стал Лауреатом премии им. Дюрера и был премирован гравюрой «Меланхолия», отпечатанной с дюреровской авторской плиты. Были широко известны художественные цветные экслибрисы, которые исключительно ценились в международной среде библиофилов. Отец жены С. Удовиченко был известный одесский скульптор Ким Литвак, собиратель одесских песен. Мастерская С. Удовиченко на улице Торговой, близ выставочного зала союза Художников была местом встреч талантливых людей и, полная мельчайших изображений, сама представляла произведение искусства.

***Станислав Айдинян,
член Союза Российских писателей,
составитель и редактор литературно-художественной
антологии «Одесские страницы».***

*... И бродит он в пыли земных дорог? -
Отступник-жрец, себя забывший бог,
Следя в вещах знакомые узоры...*

/Максимилиан Волошин/

ЮЛИЯ ПЕТРУСЕВИЧЮТЕ

Не пей из реки. Умирая от жажды, не пей из реки.
Тяжёлые сны одолели, тяжёлые сны.
Пусть воды прозрачны, – но омуты здесь глубоки,
И тянет полынью от этой прохладной волны.

Печали она утоляет, и боли уймёт
(О чём же ты плачешь, о чём же ты плачешь, скажи).
Осенний струит она, горький струит она мёд.
Ты, в ней отражаясь, своей не узнаешь души.

Увидишь чужого лица безмятежный овал,
В глазах незнакомых – покой, и ни слёз, ни тоски.
Ты всё позабудешь, глотая холодный металл.
Не пей из реки. Умирая от жажды, не пей из реки.

Проблема идентификации себя.
Проблема идентификации эпохи.
Мы оборвали штурм на полувдохе,
И начали движение с нуля.
Но область неизвестна, и число
Не определено, и цель невнятна.
И, в общем, совершенно непонятно,
Куда на этот раз нас занесло.
Железом пахнет воздух. Стынет ртуть,
И током бьют поверхности предметов.
Давай-давай, классифицируй это,
Ищи ему название и суть.
Ищи его в таблицах и рядах,
Логарифмических и звёздных схемах,
Среди имён, ещё не нареченных,
Ищи его на стенах и устах.
Найди ему лицо и сотвори
Явление эпохи. Ход столетий
Оплёл историю железной сетью,
И мы на звезды смотрим изнутри.

Пусть болтают слепые ловцы простаков
О неволчьем уделе твоём.
Слишком часто мы видели мертвых волков,
Мы по горло набиты враньем.
Человек человеку эпоха и мор,
Человек человеку ловец.
Ты по крови был волк. Ты по крови был вор.
Ты по крови птенец и певец.
Из заветных углов серебристую тишь
Воровал ты у всех на виду.
Ты повадкой былмышь. Ты повадкой былстриж.
Ты былрыбой, замерзшей во льду.
Мы вмерзаем меж стеклами мертвых домов,
Онемев или остекленев.
Ты ловец и улов. Вереницами слов
Ты из смыслов выводилнапев,
Волчью песню, стрижиный бессмысленный свист,
Водной глади беззвучный мотив.
Остается пробитый прожилками лист,
Каплю крови твоей сохранив.

Равнодушное небо. Холодные капельки смысла.
Нескончаемый дождь поливает размокшую твердь.
Оскользаясь, съезжаем по склону. Дорога раскисла,
В чистом поле вдыхает рассвет наша чистая смерть.
Этот воздух промыт до стеклянного тихого звона.
Это наша свобода траву задевает крылом.
Мы уходим из дома. Съезжаем с раскисшего склона
И уходим искать наш затерянный в осени дом.
Среди трав, за холмом, возле моря, на запад от ветра,
На восток от луны, возле моря, на старом плато,
Мы находим свой дом. И не ищем иного ответа.
Просто входим и молча стоим, не снимая пальто.

Не лес, не море. Глиняные склоны.
Моя нора. Убежище и дом.
Сегодня шторм. Грохочут за холмом
И сотрясают звук седые волны.

Здесь только ветер гнет к земле траву
И пахнет медом и вишневым цветом.
Жизнь обернулась непрерывным летом,
И только этим летом я живу.

Среди тяжелых пчел и медуниц
Мой хлеб просолен черным ветром с моря.
Шепчу слова, наречьям листьев вторя,
И узнаю в лицо крикливых птиц.

Я здесь останусь камнем у воды
И ящеркой веселой на обрыве -
И все-таки собой. Пока мы живы
Ты будешь находить мои следы.

Нам умирать, любовь моя, привычно,
Да мы как будто никогда не жили.
Мы только этой болью дорожили,
Ее считая жизнью, как обычно.

А жизнь в своем излюбленном обличьи
Протягивала нам пустые руки,
По правилам назоновой науки
Всем языкам предпочитая птичий.

И воплощалась в каждой встречной кошке,
И пахла медом, хлебом и ночлегом,
И бинтовала наши раны снегом,
И врачевала наши раны ложью,

Прикидывалась бабочкой и небом,
Стеною дома и его жильцами,
Красотками, полями и дворцами,
И пахла медом, да. И пахла хлебом.

И хохотала, обнимая ветер,
Любили наши лица и одежды,
И нам дарила ночи и надежды,
И притворялась, что не знает смерти.

То ли лебеди, то ли - представьте себе - журавли
Унесли в тридесятое царство меня, унесли,
От осенней земли, что теперь остывает вдали,
На затерянный остров, куда не идут корабли.

Пусть я мертвый кузнечик в колючей осенней траве,
Пусть я дым над костром, пусть я камень в остывшей золе,
Я здесь есть - в этом стылом пространстве, на этой земле,
Я бесспорнее капель дождя на вагонном стекле.

Я твой северный остров, твой дом на морском берегу,
И сюда не добраться вовек никакому врагу.
От гусей-лебедей, от летящих на юг журавлей
Я тебя сохранию в бесконечной державе моей.

Развалины Марса. Мощёное великолепье.
Овальные окна. Сухая Венеция. Пыльный канал.
Ты знаешь, похоже, в минувшее тысячелетье
Никто в эту местность и мысленно не забредал.

Разбитые кровли домов украшает солома.
Похоже на Тома, и одновременно – на Рим.
Давай в переулке отыщем беднягу Назона,
И о преходящем величии поговорим.

По скифскому морю нескифские ходят триремы,
В солёном песке обожжённых горшков черепки.
Пространство и время неведомы. Господи, где мы?..
... Да, кстати: ты всё-таки лучше не пей из реки...

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ

*«Приближение Воздушного Века»
цикл стихотворений*

Е.К.

ВИСОКОСНАЯ ВЕСНА

Пёстрая ночь первобытна и, будто бы нега в колоде,
Двигается осторонь далее и мшистые росы лакает.
И ни слезы здесь, над бездной, ничьей никогда не прольётся,
И ничему не дано будет имя. Ведь, оберегаем,

В едом своём обнаженьи, у самой воды, первобытный
Сверхчеловек, брезжит, пенится в неводах дымной сирени.
Изгнанный из хризолита безвременья, луч очевидный
Учит двух ящериц, падчериц камня, отбрасывать тени.

Помнит о свете искристый глашатай с глазами пантеры.
Живы лишь в зрелищах, мы заклеим бутафорию судеб.
Даже врождённая жажда реки, утлый вздох атмосферы
Не потревожат сомнением нас, утопающих в чуде.

Свет мой, в нетронutom небе торжественно наше паденье.
В невысоком году здесь случилась весна высокосной.
Мы здесь навеки и знаем об этом с момента рожденья.
Нам непременно запомнятся все высокосные вёсны.

СТРАННОЕ

Иней таёжный поймал нас в воздушные сети...
Был такой месяц: взроптали звериные тропы,
В этот же месяц погибли все гризли и йети,
А ледниковый период сковал всю Европу.

Парусник в порт не зашёл, горизонт харкал кровью,
Атомной розе ветров отдалась атмосфера,
Взвыли вулканы, созвездий затмив поголовье...
В эти же дни – я был назван твоим кавалером.

Десять затмений за четверо суток случилось,
В сахарный прах превратились Шанхай, Нью-Йорки,
Вымерли люди, их души на мел раскрошило...
В этот же месяц мы были друг другом в восторге.

В этот же месяц рассыпалось лунное тело,
В этот - обрушился карточный дом поднебесий.
В этот же месяц с тобою я стал одним целым...
Всё это странное произошло – в один месяц.

THE DARK FUTURE

Сегодня в похмельи сидел на балконе и думал:
В апреле сдались - порознь, не было спазмов, но утром,
В апреле, воскресли – уже как одно, т.е. сумма,
И то, что случилось в апреле - доподлинно: чудо.

Ещё мне подумалось утром, что ты не в обиде
За то, что когда-то я был не с тобою, с другими,
Что их ждал домой, перед ними бывал в птичьем виде...
Я думал: простила. Я думал сменить своё имя.

Волшебные пазлы сложились уже в навигатор...
Когда-то мы были бумажными птицами, позже -
Из нас самолётики делали дети, когда-то
Мы были бумажными, белыми... Стали похожи

На тёмное будущее, на поклоны тюльпанов
Инертным цветам миражей и сияний полярных...
Миграции высекли плётками меридианов
Нас, нас засекали параллели до комы янтарной...

Не рушь. Адский зной. Демонтируют небо, радары.
Цветаевское и бездомное наше либидо
Торгует на рынке рабов нашим счастьем поджарым,
И кратеры сыты отсутствием, кратеры сыты...

Я думал, что ты – в этом омуте сфер беспшабашных –
Простила меня, я на юность накладывал вето...
Но я был лишь птицей и я был наивен, бумажный:
Теперь, пустельга, ты меня ненавидишь за это.

ПОКАЯНИЕ

Без виз снаряжения -
К незримой, неведомой - через terra incognita -
Моё отражение
Моим почтальоном, бегущим по лестницам огненным! -

Моё покаяние -
К Тебе и к Твоей первозданной прозрачной небесности -
В обход расстояния
Любого, но через потерю себя в безызначности! -

И снова не выпросить
У спичек промокших - огня: никакими молитвами.
Нас заживо выбросит
Приливом тревоги на берег, бескровными битвами

Заросший уродливо
На скорую руку, как будто бы травами сорными.
Но ветер заботливый
Развевает наш пепел над волнами радужно-вздорными,

И мы, отражения,
Что морем был Хаос, а берегом - глубь океанная
Безбрежного зренья,
Поймём и - нырнём, словно дети, в волну океанную,

Под тучам серыми,
И в том океане сольёмся в единое целое,
И станем - химерами,
И мир спрячет чёрное знамя и вытащит – белое.

КОГДА ГОРИТ НЕБО

Жернова древних туч высекают из сопок огнива –
Полосатые молнии, весь тёплый край наш – простужен.
А мы будем сегодня – приливом морским и отливом...
Буреломные перья взрезают цветочные лужи.

Мы ещё не узнали друг друга – доподлинно полно.
Да, мне страшно открыться тебе, но мы – храбрые птицы.
Мы идём на посадку, и мы обращаемся в волны,
Мы взовёмся над твердью, как только гроза прекратится.

Мы такие глубокие, словно туннель в обручальном
Раскалённом кольце, мы такие с тобою Гольфстримы!..
Словно лентами Мебиуса оказались все тайны –
Изучить нас не сможет никто, нас с тобою помимо...

Сколько с гирей на шее наш Бог в нас не падай,
Сколько ведём не топи в наших заводах мятных,
Не узнает и Он, кто мы, что мы за птицы и надо ль
Нашим Господом быть, и к тому – совершенно бесплатно...

Никому не дано разгадать нашу масть и породу,
И нашёптывать чудиц воздушных, и кутать грозою;
Только мы – в святотатственных наших, мурлычущих водах,
Полных древних пиратских сокровищ времён мезозоя,

Каждой глубиью друг друга навек очарованы, ищем
От всего и от всех в их объятиях – противоядья...
Это – водоросли ошалевшие на пепелище
Невесомого эго, накрытого водною гладью...

Лишь одно легкомыслие нам позволяет друг другом
Овладеть до конца, в каждой капле навеки срастаясь:
То, что ты для меня – и дитя, и сестра, и супруга,
То, что ты для меня – и бесёнок, и зверь, и святая...

Только в этом отличие, только поэтому ровня
Мы – друг другу, для всех остальных априори – мустанги:
То, что я для тебя – и ребёнок, и брат, и любовник,
То, что я для тебя – и журавль, и ястреб, и ангел...

ПОХОД

Под вечер гадают в глубоком окне наважденья,
И воск, и кофейная гуща, и карты – мухлюют.
Дрожа, у обрыва над тьмой мир стоит на коленях.
Дрожа, бездна бездну – смешит, бездна бездну – целует.

Сквозь райские птицы туманностей, их гоголь-моголь,
Проходишь навывлет, и кротки пугливые совы.
Ты маленький леший миров, и осенняя тога
Твоя извивается пламенем лун бирюзовых.

Смотри: заземлившись, угловатые люди
Не слышат твой пульс, не пульсируют вместе с тобою,
И капсулы тел их обтянуты войлоком буден,
Они герметичны, у них – нет пути к водопою.

Они не заметят тебя, пока ты – несомненно -
Туда не вернёшься, блистающей, юной, беспечной.
Но Здесь – твоё место, и ты, домовёнок Вселенной, -
Ты знаешь теперь: твоим пульсом пульсирует вечность.

... Промозглой Вселенной кофейная гуща утрюма.
Линия, шуршит под ногой насыпь звёзд-привидений.
Внезапно бессмертные люди в текучих костюмах,
Тебя увлекают - в свой каменный век, в свои сени.

И ты так прекрасно нелепа среди всех осколков
Их душ, облачённых в периоды полураспада.
Они от тебя отвернутся так скоро, как только
Постигнут, насколько ты лучше их всех, вместе взятых.

ЧУЖОЙ КРЕСТ

Занавешенных перьями фениксов, бусами яблок,
Растерявших камней, обратившихся в воздух, улов -
Вереницы шаманов в рыжеющих хищных пентаклях;
Небылицы седых взбудораженных колоколов
И завравшихся звёзд, невменяемо мутных и дряблых,
И сочащихся через мишень атмосферных колец
Годовых, заклеимённых своим тяготеньем к спектаклю,
Цель которого – нас распластать на косматой земле... -

Это – широколиственный яд, это – шупальца кукол,
Оскорблённых величием наших истерзанных душ,
Это – за руки ведшая нас непроглядная вьюга,
Это – пар водяной в раскалённом дремучем аду,
Имитация лишь аритмии сердечного стука,
Индульгенция только тому, кто не свой крест несёт...
Кто-то нам запрещал разглядеть все обличья друг друга,
Кто-то нас отвлекал от того, чтоб мы поняли всё.

ДЕНЬ НАСТАЛ

И тем яростней, тем обреченнее я понимаю,
Что бессмысленным ворохом прошлое было твоё,
Бесподобно-ненужной прелюдией к очарованью
Тихим плеском ладьи, распоровшей ночной водоём;
Твоё прошлое – льдов столкновения сцена немая,
Непригодные дубли, развратных богов образа...
Нам запудрили наши сердца злоключений вливания...
Мы могли бы стать неразделимым лет восемь назад.

Литургия последней звезды, полусном окроплённой,
Своих жертв ледяных прекращает обратный отсчёт...
Всё то время, которое ты была верной кому-то,
Всё то время, которое я мотал с кем-то ещё –
Мы должны были быть одной бурей, и птицей, и кроной,
Одним целым, одним неделимым, скрестившимся в - Вось.
Мимо стольких счастливых минут мы прошли, как Иуды!
Лишь теперь, ближе к финишу, свет мой, мы всё же срослись.

Я ЕСТЬ ЛЮБОВЬ

Я духовно стерилен.

Свиданием меньше, свиданием больше - не важно.

Настоящая божья коровка в футляре. Свидетель

Отрешенья, шалаш-мой-музей, оказался бумажным,

(Спасибо скажи, что не карточным, да).

Я безумно люблю слово «дети»,

Я вбегаю в туннель с первобытным смиреньем и радостью
птичьей волны...

Но электрика горных бермуд проливает на небо

Полярный багрянец, полярную синь, бирюзу...

Археологи окаменелости ловят сачками. Я - запах наяд.

Я духовно стерилен, но я есть Любовь.

ВОЗДУШНЫЙ ВЕК

Ни для кого не секрет, что по осени цепи, вериги
И кандалы, осеняя набегами муз мой фиорд,
Вновь облетят, как волшебные наши – в чужих руках – книги,
С пьяных бессвязных молитв наугад, цифровых, бездыханных
На удивлённый, морскою болезнью истрёпанный порт,
Вновь отомрут все оковы и станут свободны туманы...

Так вижу я отмирание прошлого, так в хороводе
Октаэдрически-сложных сансар от тебя отпадут
Джунгли людей, изумлённые тем, что ты есть, тем, что ходишь,
В их косолапых кощунственных дебрях, и тем, что в них дышишь,
Тем, что без них ты возможна и тем, что вне их тебя ждут...
Так ты становишься дальше от них, а ко мне – ближе, ближе...

Так я бегу от зарока быть ключником и заключённым
В угол своей тёмнокожей лунарне, где быть одному,
Так отрекаешься от обещания быть обречённой
Ты: и занозы, и ссадины нам отслужили, и море
Смыло темницу твою и мою раскрошило тюрьму...
Прошлое выродилось в анфиладу ручных бутафорий...

Если мы выдержим это, и выживем, не покалечим
Плеск наших крыльев о прошлое, то, что не нужно живым, -
Мы, алконосты индиго, мы, зрячих туманов предтечи –
Непобедимые будем, мы счастливы и белоснежны,
Будто жемчужный на глади вечернего озера дым,
Будем в своих уссурийских одеждах – вселенных безбрежных...

Целясь в горящую даль тетивою причала, в туннеле
Тесном летя по валторнам шалфейными вскриками сов,
Мы закалились, судьба не страшна нам, мы просто успели
В душном апреле – вдохнуть и сбежать, мы взлетели туманом
Над студнем дебрей, над монастырём часовых поясов...
Нам затянуло лучами закатов смертельные раны...

Ни для кого не секрет, что был каменный век, но – воздушный
Скоро настанет, и джунгли людей отомрут позади...
Радостно то, что - не Прошлое ждёт нас, что Завтра – послушно
Нам, что течение паводка времени бесповоротно,
То, что мы сами способны воскреснуть, друг друга – спасти,
То, что никто не сумел помешать нам быть светом свободным.

ЕВГЕНИЯ КРАСНОЯРОВА

Я видел, как тщились – любить, ненавидеть,
Остаться: в забвеньи ли, в списках нетленных,
И как на погосты взапрыжку тащились
Миры и галактики этой Вселенной...

Я тексты писал для премудрой Сивиллы,
Я древних индусов разметил по кастам,
По правую руку шагал от Аттилы
И был исповедником Экклесиаста.

Я выдумал самый коварный наркотик,
Я Богу отдал во всевластие небо,
Я лучшая из всех известных экзотик,
И нет ни молекулы, где бы я не был.

Я целился в сердце, залечивал раны.
Вы жили? Вы умерли? Вам показалось!..
Лишь я существую. Я – кубик для странной
Великой игры под названием Хаос.

WHITE POEMS

1

Выпей полынной настойки,
и небо расширит свои горизонты.
Свет солнца не будет столь ярким,
глубокие раны в груди
успокоятся.
Пусть ненадолго, но это придаст тебе сил,
и дыхание Земли убаюкает страхи.
Душистые травы окутают терпким степным ароматом...
Путь твой станет так короток...
Ты не заметишь, что выпил полынной настойки.

2

Билет в город ангелов
стёрся в кармане в труху. Что осталось
от детской мечты?..
Или разве не ты
говорила, что все самолёты
над ним пролетают и нужно лишь вовремя выйти,
а если есть карта,
то можно доехать на трапе
до главных ворот его?
Разве не ты говорила,
что он существует?

Я верю... Я верю.
За пачку потёртых купюр
покупаю еще один,
трепетно глажу по сгибам,
в карман опускаю,
чтоб снова забыть,
где

находится
аэропорт.

3

Давай закочуем степями. Высокие травы
нас скроют от мира машин,
их железные жалобы сгинут в глубоком тумане.
Из цепких объятий
Просмоленных ладаном канцерогенов
слепых городов
мы вырвемся в мир тишины,
нарушаемой лишь серебристыми трелями птиц.
В этом мире
благоклонность богов, что прочнее кивлара,
будет вечно сопутствовать нам,
если мы сохраним талисманы
и древний язык, на котором написаны книги оракулов,
знающих все о закатах и лунных приливах.
Ты слышишь их зов?
На рассвете мы двинемся в путь.

И ты во мне не разглядел
Забытого судьбой ребёнка,
В котором ломко всё и тонко.
И ты меня не пожалел –
За просто так. За то, что я
Ничья. Как песня соловья.
И так же, как она, прекрасна.
Жалеть нельзя – жалеть опасно.

Не захотел, забыл, не смог
Не раздавить ногой цветок,
Пробивший стебельком асфальт,
Стремившийся к тебе, как к свету...
Он так и не увидит лета
В твоих глазах бездушных. Жаль!
Существ опасней в мире нет, чем дети.
Ты осторожен. Осторожность – добродетель.

И то, что я в тебе искала –
Мечты, углём истлёвшей, дым.
Так будь же вечно молодым
И больше не снимай забрака
С лица, которое тебе уже не снится,
Под ним теперь оскал слепой волчицы.
От страха ли, в сердцах взведёшь курок...
Не говори, что ты – плохой стрелок.

1.

Море морщинится, скалятся скалы,
корчится кварц, превращаясь в пески.
Время уже не бежит, а устало
прячет озябшие ноги в носки,

тысячелетними мучаясь ранами,
без – панацеи и без – сыновей...
А летописцы всё пишут – неправильно,
как за Иешуа – Левий Матвей.

2.

Дети плачут. Мир стоит.
Солнце всходит и заходит.
С корабля на берег сходит
за Спасителем – бандит.

Плачут дети. Ждет толпа
то ли чуда, то ли мора.
Шумно умирает город
у Синайского столпа.

Недоимка – слов и хлеба.
Тают льды. В озоне – брешни.
Тихо стонут Гильгамеши,
возводя ладони к небу,

а небо молчит, небо пьёт водку,
и с облака видно, как вдалеке
ветхий Харон ветхую лодку
чинит на Мёртвой реке.

Видишь, Солнце больше не светит.
Небо без Солнца – как Хиросима.
Небо без Солнца чертовски красиво,
Но мне оно нравится в синем цвете,
Чтобы в нём – облака,
А под ними – река,
А в реке – тихоходные грустные рыбы...

С неба падают глыбы,
Раскаленные треньем,
И нет смысла молить о чудесном спасеньи
Так, как мы никогда не просили. Ни разу.

По Земле, словно черви, ползут метастазы,
И мы ждём их последнего слова в бараке,
Глядя в небо, которое – как Нагасаки.

Мне снятся сны – тяжёлые, как горы,
как руки Мойр, как ядра чёрных дыр –
запутанные злые коридоры,
нацеленные дулами в надир...

Мне снятся пепелища и погосты
неведомых ещё материков...
камелии, покрытые коростой...
порты без кораблей и моряков...

слепые Гитлеры, прозревшие Гомеры –
ковчега времени обугленный остов...
и в нём о чем-то шепчутся химеры –
хранители моих тяжелых снов.

Фрида – какое нерусское имя!
Фрида – горгулья, гангрена, гамбит...
Доят земли неизбежное вымя
Кладбища сотнями каменных плит.

Мудрые чёрные вороны знают,
Как бесполезны молитвы и слёзы,
Вороны видят, что не согревают
Холод гранита багровые розы.

Розы – корсары, крещендо, коррида...
Яду бы, или заточенный нож...
Фрида, сегодня ты пьяная, Фрида.
Бедная Фрида, не плачь – не вернёшь.

О-банкротилась, о-бессилилась,
об-мелела моя река.

Это – уже не моя рука.

Это – уже не мой Сириус.

Камнем, который не по зубам времени
стало дно моё. Дно – ил.

Если бы ты был – моего племени!

Если бы ты – меня – любил...

Пепельно. Холодно. Не – согреваемо

русло. Губы твои – комета

Галлея. Небо – неузнаваемо.

Это небо – уже не – это

небо...

Не превратятся наши кости в бирюзы холодные пласты.
Но знает ночь, чего достойна — я, чего достоин — ты.
А я молчу. Мне лучше — промолчать,
чем безнадежным криком освещать
твоей души миносской лабиринты.
Забудь, что я — твоя Септуагинта,
и посели свой вечный плач
под Лысою горой.
Благословенный мной палач,
безжалостный герой
бульварного романа...

А мы остались - смеяться смехом,
Гнездиться кашлем, чудачить эхом,
Камнями падать, взлетать метелью,
Тянуться по свету канителью.

А мы остались - светлы по-детски,
Наивны в чём-то, пьяны мертвецки,
Больны душевно, здоровы духом,
С завидным зреньем и острым слухом.

Нет, ты послушай, ведь мы - остались,
Хоть не надеялись и прощались,
Безумны ночью, тихи в похмелье,
Сплошные слёзы, одно веселье.

ВАЛЕРИЙ СУХАРЕВ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Тише, разбудишь пейзаж. В незнакомых краях прежде привыкни к шуршанию сумерек, елей, птиц в небесах, чуть полощущих там еле-еле в них свои крылья. Привыкни в горах к перемещению светил незнакомых, имён не называющих путнику, будь в перелине он иль в опале, тоскуй ли он по балерине, по белошвейке ли, чьих он касался рамен. Всякая местность обширней, чем кажется нам. Птиц в небесах много больше, чем схватишь зрачками. Уж ли кругами замшелый окутает камень, шуркнет ли злая сирень по твоим стремянам, - не отвлекайся! Пространство подскажет, куда двигаться телу, подскажет зрачку ориентиры; выберет город, вино и подобье квартиры, и отразит тебя... Так отражает вода. Так отражает вода свод небес, полукруг тех лиловых ветвей, что на небе, как вены и как прожилки на мраморе... То есть мгновенно вас отражает пространство, ни ног, и ни рук не оставляя следов на себе ваших, но помня название вина, номер комнаты, где вы спали, крошили, грешили при помощи девы... "Он здесь бывал", - скажет воздух. И скрипнет окно. Воздух, пейзаж или злую сирень - всё равно, что ты припомнишь, поскольку пространство в итоге всё же забудет тебя, сколь ни помни дороги, камня, ужа и сирени, шуршащей в окно. Тише, разбудишь пейзаж, выходящий за край и разума, и обозрения, всадник. Что впереди? Небеса, то есть времени задник... Здравствуй, пространство, зане я не молвил: «Прощай».

РОЖДЕСТВО

Люди, не делайте резких движений: зима.
На поворотах скользят пешеход или кот;
После пяти – и планеты; и сходят с ума
Тени деревьев на льду; и вообще – Новый год.
Горько в гортани от слёз и от слова «миндаль»,
Что по тарелке рассыпан; висит снегопад,
И небеса, словно в крапинку муфта; и в даль
Смотришь, как в стену с обоями, этому рад.
Леди, в природе теперь летаргия: она,
В этом сезоне, всё больше нейтральных тонов;
Сдержанной гамме почтенье во все времена;
Впрочем, к лицу – вам и мне по душе – кимоно
Тёмно-бордовое, в сумерках и у окна –
Вы в нём похожи на тот восклицательный знак,
Что выпадает из речи; чем больше сукна,
Тем гуще в складках его тишина, это так.
Сходим-ка к морю, сегодня не холодно; снег
На воду лёг, с промокашкой в подпалинах схож
Там, где течение, глубины; и чаек разбег
В небе замедлен; и танкер идёт, точно нож
В масле, свежая вечернюю гладь вдалеке...
Об эту пору, что странно, я чувствую, что
Точно уж не зимой, может осенью... И налегке
Выйдет душа к незнакомцам, сбросив пальто.
Так – у явившихся летом под ливни и снег,
И под гневливые сумерки всякой поры...
Тени на снежном песке обнялись: человек
Плюс человек, кодак щёлкнул и – в тартарары.
Леди, за вычетом дней, когда мы не живём,
А отмечаемся в зеркале или во снах,
Нажито, в общем, немало того, что на слом
Движется без сожаления и оправданья... В умах
Менее праздных, чем мой, от подобного – жжёт
То ли раскаяньем, то ли желаньем начать
Жить по-иному, взыскупя от горних щедрот...

Только ежели здесь еле теплит свеча
Свой язычок, согревая ладони едва,
И отражаясь на линзах очков и в зрачке, -
Там не зажжётся вообще... Леди, эти слова
(Вашу ладонь удержав чуть дольше в руке,
Чем ожидал), произнёс я с того из сего.
И хорошо, что для вас это – как вдалеке
Танкера крынка на глади, снег, Рождество.

КУРГАН

Под плоскостью равнины – тишина.
Возможно, там гроба, возможно, руды,
иные механизмы бытия:

кроты, личинки, зёрна на восходе
и мусор времени, берцовый артефакт,
зуб плута, кровь и марля пехотинца
и ворсом повраставшая трава;
курган курганом, шишка горизонта

и пуля глазу; дальше лес сопит
и пальцами вращает, и тропинкой
ведёт в болота, где томится газ,
и где коряги вам напоминают
музей Чюрлениса; вокруг лежит Литва
и смотрит в карту неба, но созвездья,
как точки населённых пунктов, стёрты,
поскольку здесь дожди, сезон дождей.
Курган похож, когда глядеть с другого,
на расстоянья, – он похож на прыщ,
и если паровым катком наехать,
то кажется – как из жерла вулкана
чумная лава – из его нутра
пальнет загнившей и лежалой жизнью:
все эти предки, листья, поколения
мышей-полевок, воинов грудастых:
вот польский череп с тощей бородой,
межреберье тевтонское, татарский
опшётток кожи, волоса не знавший,
да что-нибудь еще, да то да се...
Могильник, анонимная структура
напластований. Проходящий мимо,
такой как я, за надобностью в лес
по ягоды-грибы, с литовской дамой,
с домашней брынзой, местным коньяком
и настроеньем маньериста в тундре, –

остановись на миг да и подумай:
какой зело курган. И прочь поди.

ДРАМА

К полуночи так набравшись, что даже слёзы
Захмелели и остекленели, что даже рубаха
Приняла бесподобную позу раненого,
Так набравшись, что даже атеросклерозы
Ушли в астральные странствия, и для взмаха -
Их проводить – сил не осталась, тогда заранее

Улегшись на пол и включив Рахманинова –
Выплакать сгустки стекла, что давят на яблоки –
На грудь уложив кота (морочить и гладить),
Он принялся вдруг себя вспоминать недавнего:
Влюблённого и при деньгах, сажавшего на руки
Два мягких окружья, напитывая оладьями

Со сметаной гибкое тельце в платье джерси,
Под которым лоскут на резинке, запах духов, полоска,
Как грядка невыполотая, гусиная кожа...
И от этого – тяжелее память и депрессивней
Опьяненье; в глазах смеркается, и становится плоским
Рельефный кот, на сложенный свитер похожий:

Лапы – как рукава, голова – горловина...
Он поднялся и, отхлебнув из хрусталя,
Повращал глазами, как Петр Великий – страстно...
Из старинных часов филин сказал «половину
Второго»; и он, пропев «ля-ля - тополя»,
Наступил на тюбик, и выползла краска,

Жёлтая, и по комнате заструилась змеёй;
Чтоб её раздавить, он шагнул гулливером,
Поскользнулся, упал и погрёб себя под антикварной
Дрянью: рамами, самоваром; и до утра про неё
Позабыл, как и обо всём, что не стоит веры
В Прекрасное; сны сменялись попарно;

Ужасался кот, и прижимал к лопаткам
Уши, пугаясь бормота, храпа, свиста,
И заодно – по привычке – картин творца:
Там цвета и оттенки играли в прятки,
Крестьяне были похожи на евангелистов,
И кто-то с раскрытым ртом, как апофеоз лица.

СТАРЫЙ МОЛ

Странствия наши закончились... На берегу
И в воде у причала – вечный покой
Разъятых железных тел; и аж до не могу
Накренилась труба, и мачта не машет рукой,
Вывихнутая в суставе: ломать – не строить;
Картина напоминает обломки Трои.

Пригожий осенний полдень; пахнет гнильцой
Водорослей, плавает кед, над ним реют осы,
Чертя синусоиды; медузы с круглым лицом
Прикидываются холодцом, оттеняя просинь
Над фарватером; некто удит бычка,
Свесив пятки и нос с замшелого борта;
Далее – раскадровка, буреев железа тоска,
И доносятся лязг и гомон из порта.

Железа этого как-то жаль: видны
Фрагменты кают, закоулки для вахтенной связи,
Вверху – пятерня штурвала; со стороны
Прежние надписи мнятся арабской вязью.

И никакой романтики, некий странный уют
Всей этой машинерии, душу отдавшей
(Если в это поверить) воде; снизу рыбы клюют,
Словно кто-то в рынду звонит, в пучинах пропавши.

ВАРИАНТ

Кошмар для детей начинался после восьми.
В верхних комнатах дачи – тени и шорох:
Ветка ли трётся о ставень, мышь ли нагаеет?..
У взрослых, внизу, посиделки, и там – меж людьми –
Всегдашний, под водочку, перебирается ворох
Имён, происшествий, и про комету Галлея,
Способную мир ушибить ужасным хвостом;
Дети сидят, подвывая, меж кошкой и лунной
Дорожкой на половицах; их мысли о том,
Откуда берутся кошки, страхи и слюни? –
Маски трагедии с – полумесяцем – ртом;
И ветка то клонет в стекло, то брызгами плюнет –
Когда начинался ливень; и Ноев шквал
Размахивал фруктами сада, роняя вазу,
И кошка, что электроскат, искрила, трещала в углу;
Они с головой зарывались во тьму одеял,
И там начинали дышать и смотреть, но не сразу,
И гул становился ровней, как будто взвинтили юлу.

Прошло очень много лет, и дачи той нет,
И кошка ещё тогда убрела вочужаси,
Украва на прощанье мясо для отбивных.
Я вырос и начал стареть; у меня на стене
Вишу я тогдашний, подвижный, и лик мой прекрасен
В сравнении... нечего сравнивать; и остальных
Дачников вымело время, пустуют углы
Памяти: так, за комодами, за картинами –
Насыщенный тон обоев, микросхема ли паука...
Вариант автопортрета, хранящегося среди глыб
Времени – тогда и теперь: тогда – меж картинами
Тенью, теперь – тушь, перо, рука.

У ЕГЕРЯ

1

Сумерки, загород. Демисезонный лес
сосен и пихт предлагает встать на лыжню;
белка нюхает снег; и в небесный собес
поднимается дух поленьев, похожий на «ню»
Ренуара; дух очага, самогона, собак;
егерь, вернувшись с разъездов, поёт э-ге-ге
в сумрак опушки; жена молодая никак
не доберется сюда; и – сливками на твороге –
глянец фонарный блеснит на снегу, маргинал;
снегирь – гранатовым зернышком, дятел стучит
«зингером», прошивая кору; и ложатся в пенал
оврага тени дерев; и поленья толпятся в печи.

2

Снег, как всякое большинство, диктует права
и вкусы на цвет, на местность, блюдет устав;
по-лисьи искрится наст, и в печи татарва
поленьев мычит на монгольском, гореть устав.
Вне ограды – зга и декабрь, и свист
некоего соприсутствия, но не видать лица;
Вдоль следы, поперёк, поляна – маршрутный лист,
столько следов, что не вставить свово словца.
Вне ограды – зима, а в ограде – свет,
жёлтый (ромбом) и бледный, как чай спитой.
Выбора времени года и жизни – нет,
и тропа, не сужаясь в точку, выглядит запятой.

ЦИКЛОН

Ночная сорочка в мелкий и рыжий
Листок – это и есть туман
В ноябре, в перспективе улицы, ближе
К вечеру, и когда с ума
Сходит листва, в тираж выпадая,
И явственной радикалит
Округи в дрожащих окнах трамвая
И банных на вид.
Падёж листвы, как в полях – поголовья
Под вирусом первой крупы;
И у стволов тоска воловья,
У воздуха привкус рапы.
И, донашивая демисезонное
(Как я свои мысли о лете),
Женщины изрешечены озоном
И дрессируемы плетью
Ветра с моря; ту-степ и жига
На остановках и на углах...
Северо-причерноморское иго –
Что христианину Аллах.
И никто не сулит ни зимы в завалах,
Ни мягкой – вообще ничего.
Собаки в замусоренных подвалах
Глазами вращают – во!
Душа – не барометр, ей, может стать,ся,
Досталось уже давно
И от этих ветров, и летящих акаций
В распахнутое окно.

АЛЁНА ЩЕРБАКОВА

Каллиграфия птичьего взмаха крыла
Вдоль прохладной, эмалевой дали небес.
День спустил удила – и тугая стрела
Ни добра, и ни зла, обозначила весть.
Я пишу заострённым крылом этих стай,
Выходя оглянуться на берег с холмов,
Там, где тени прозрачны, а осень густа,
И где ты не услышишь ни плеска шагов,
Ни биенья крыла... только росчерком птиц
По холодной, осипшей от влаги, стране
Я на миг промелькну, зацепившись в окне
Твоих глаз о задумчивость улиц-убийц.

ЛЮДЯМ ВБЛИЗИ ОГНЯ

Мне нужна твоя рука, чтоб охладить лоб.
Не помню, сколько красок было в картинах Фриды Кало,
Но в моих венах кровь Испании, Мексики
Вместе взятых, как дезертиры в плен твоих красных крестов.
Из того, что ещё в эту пору спокойствия может быть уместным –
Мне нужно только тепло.
Чтобы узнать, насколько я ещё жив,
В мире истерик и лжи
Весть о тебе – восстание на баррикады всех песен,
Всех революций прекрасных и прочих эпох,
Украшенных уликами чьего-то праведного безумства,
Когда на фоне всего, что не интересно, и плохо
Усвоено, и вывод равен нулю,
Но чётко знаю **что** я не люблю, -
(Прочее до поры неизвестно).
Мне, идущей горящей линией строк
И воскресающей под флагами «снайперского» прицела,
Мне остаётся благословить лишь цену,
Как редкое свойство памяти, избранной слогом.

Греция. Лодки. Свиданье на пятой странице
Фаулза, зритель ещё не узнан.
Мой сосед верит в целебное зло искусства,
Встретившись с тем, с чем дважды готов был проститься.

Греция. Лодки. Мы покидаем остров,
Тени предгорий движутся в темпе ветра
Так неизбежно, что остаётся возраст
Мерить числом одиночеств, смертей и бедствий,

И умножать своё одиночество в ближних,
И привыкать снова путать их храбрость и милость...
Не променявшим участь, нам, мир на вырост,
Важно не столько, что есть, а что стало лишним.

Хаос миров - остаётся: lingua и logos,
Семя богов, метаморфозы бога,
Ветер дорог, миф – поединок-интрига,
Знать, кем мы станем, когда окончится книга...

О ПТИЦЕ

Тенью прикрывшись от посторонних,
Время сверяю шкалой строки;
Птицу, что нежность моя не тронет
Горьким уловом кормлю с руки.

Плещется море её плечами –
И отличает любых прилив.
Как нам легко от любви отчалить,
Как нестерпимо, не раз-любив.

Lieben, моя радость, судьба пуглива,
Тоже ведь птица, пои – не пои,
Слов неоплатные аперитивы,
Правд переплаченные бои.

Что же тебе в перестук вагонов
Стонами жечь из окна ночей,
Памяти талию сжав легонько,
Зная, то, что лишний, и что ничей...

КОГДА ОСТЫВАЕТ ЧАЙ

Лепет снега утром, когда остывает чай,
И судьба плывёт в медных лодках над головой,
Лепит верхние тропы между тобой и мной
Голос снега, похожий на пение горносталя.

У тебя и крыша цела, и кровать тепла.
У меня не так, и кошка в загул ушла.
Мне же корни пустить так странно в своей стране,
А в чужой стране дороги ещё длинней.

Так зачем мы поём о доме и говорим,
Что иная смерть не сильнее, чем боль внутри,
В самом центре сердечной линзы, на самом дне
Мирозданья, петлёю свернувшегося на мне.

Твой подробный взгляд не взорвёт тишину, не вдохнёт
Мои плечи и губы, нацеленные на взлёт,
Раздеваю тебя глазами, таю, тону,
Разделяю тебя городами, скользящими внутрь.

Я сижу в лодке в зимнюю благодать,
Размышляя, благодарить мне, или рыдать,
Что запомнил твои шаги я, когда устал,
И воздушный зверь над Приморским в ночи мерцал.

НА ГИБЕЛЬ ПОЭТОВ

Г.Ш.

А когда наши души укроют снега,
И последний связной – птичий – смолкнет язык,
И собьётся с дороги, что твой проводник,
Синеглазая стая – не помни про страх.

Меня в ночь занесло, милый мой книгочей,
Сохрани навсегда ту, что будет ничьей, -
Эту музыку, даже когда нас убьют
В искажённой и злой перестрелке минут.

Потому, что я жил, потому, что я брал
Только то, что не мнимо, и то, что звучит,
Потому что нам тот никогда не простит,
Кто следов не собрал, кто не смел и соврал.

Это, друг мой, зима, это воют снега,
Укрывая траншеи-окопы пространств,
И болят берега, оттого, что богам
Отливали и пули, задолго до нас...

ШТОРМИТ

[обо мне и о Поэте Владимире Маяковском]

Поэты, призванные в восьмой мировой
И прочие, ручающиеся за них головой,
Я – поэт, знающий цену слов,
Бесценных слов, - как и Вы, - расточавший, что звон, улов.
Меня, опечаленного молчанием букв,
Когда понесут развеять в холмовый круг,
Код дан к дилемме небытия, -
Слышащим да услышати; я пьян
Вдохом: это штормит строка
Того, кто воздал расстоянье курка
До пули речи, бьющей наверняка.
Как поднятый ворот чёрного моего плаща,
Корабль моих строк северный ветер венчал,
Звездами алых рубах в туман крича,
В птиц очевидящий рокот...Эй! Врача
Птицам пришлите – они видели высоту!
Бинтующих памяти крылья встречай,
Странник, воткнутый в немоту,
Как нож внезапный в пустом переулке,
Врежься речью в сердце молчанья –
Виденным; выговори, как молитву чающий
В пустого прихода купол гулкий.

Поэты, призванные в восьмой мировой
И прочие, знающие цену слов, штормит,
Качает свечу Солнца у поэта над головой,
Вибрирующих миров неподдельный ритм.
И если памятник и мне сумеют начать –
То это будет корабль в алых Солнц свечах.

Плыви, кораблей одиночества долгие рейды
Поют не о том ли, что время на кнехтах – бессонно;
Я шепот их слышу, волной доносимый, и редко
Гудки отправлений ещё отдаются вдоль склонов...
Дыши, не печалься – мол былью имён заморожен,
И ветер ерошит пугливые доски причалов.
И если мы станем когда-то печальней и строже –
То вынесет музыкой моря с просоленных палуб,
И вытрясет в чёрных ракушках, подсвеченных гулом
На новые рейсы... ты только живи и звучи в них,
Протяжно и точно – и память прибрежных прогулок
На крыльях маячных продлится в иные заливы...

СЕРГЕЙ НЕЖИНСКИЙ

ВИДЕНИЯ

(сестре)

В такие дни
порфиры мягко льнут
к царям-утесам...

Здесь в полуподвале,
скрипач глотает кислое вино.
Под колесницей дохнет тень прилавка.
На тротуарах толкотня и давка,
как на панно.

Лист падает на дно,
Весь век застыл в зрачках Буонаротти.
И на листах горело:

«Боже, кто ты?..»

Свеча, как крыса, грызла темный стол...
За ширмою Пилат понтийский плел
Венок сонетов...

Помнишь сколько света
Пролилось в день, когда Аустерлиц
Кипел в огне чудовищных пророчеств?..
И стих горел, и воздух падал ниц
Под гулким гнетом киммерийской ночи...

Ты помнишь, как мы пили у обочин
Густую смесь авто и быстрых лиц?
Как мы брели под грохот колесниц,
Как плыл Евфрат, как Тигр блистал на солнце,
Как лязгала по бедрам нашим бронза,
Как нас убили возле Сиракуз,
И притащили к погребальной яме?
И далеко, вне нас, теперь над нами!
Уже кричали третьи петухи...

Погиб закат и ночь сменила вечер

В саду мелькали красные огни...

В такие дни...

О, как в такие дни,
мне хочется обнять тебя покрепче.

МЕТАМОРPHOSES. УРОБОРОС

Геккон и лев синица и змея
Возмездие и куб печать и аксиома
Цветок и лом железо и солома
Стекло и дым зачатъе и стезя

Лицо и олово ладонь и хризопраз
Точильный камень и необратимость
Тоска и жимолость бумага и невинность
Щека и щит парабола и глаз

Свеча и язва прорубь и фантом
Мотор и дерево бензошила и якорь
Мечта и колокол аквамарин и сахар
Лев и змея синица и геккон

СКИФСКАЯ ПЕСНЯ СЕСТРЕ

Вот *ты* овейанная
Телефонной трелью,
На автоматы насевший божок,
Слышишь ли ты
За невидимой дверью
Мглистый пастуший рожок?

Раздёрнув портьеры автомобильного гама
И ужас трепещущих ртов,
Можешь ли ты
Сквозь налет амальгамы
Увидеть галоп облаков?

Там вечные скифы
Кочуют во времени
И звёздный пасётся скот,
И бьётся веселое шелканье стремени
О лошадиный живот.

Направив свои островерхие брови
На чёрную небыль страны,
Слышишь ли ты в бормотании крови
Тихий бубенчик луны?
В тех жилах, подобно
Ослепшему Вию,
Бессмертия крепкий колосс,
Кричит, что не те мы,
Не те! Мы иные!
Мы голос Вселенной!
Мы ворс!..

Плутая по недрам столичных бедламов,
Оглохших от грохота ног,
Слышишь ли ты,

Как сквозь время нас манит
Мглистый пастуший рожок?

ВОСПОМИНАНИЕ

Пространство мнется, как листок и мнится,
Что лица движутся, как будто поезда,
Что из-за тучи, из-за труб, из-за
угла котельной выпорхнет вдруг птица...

Ах, птица в симпатическом дожде!
Ах, силлабически взволнованная птица!

Сквозь выпукло-стеклянный мотоцикл
Прыщавый мальчик смотрит дням вдогонку.
Замедленно качаются над ним
Клавиатурно пестрые березы...

В перстах мальчишки плавится пломбир
И консерванты капают на брюки.

Дым жрет бетон,
Как девственница, сад,
Стоит, раздвинув пасмурные ветви,
В желудке «скорой» бьется эпилептик,
На входе в ПТУ записка: «Все ушли на фронт».

Листва вокруг шуршит, как граммофон.

И Время говорит из мегафона:
«Не Бруно жалко днесь и не Монро в песках,
И не запойного Христа самоубийцу...
Мне жаль, что у эпохи нет лица,
В которое так хочется влюбиться!»

АВТОПОРТРЕТ

мой траур длится 320 лет
мой сын зарыт на грязном полустанке
души моей советские останки
на курской разлагаются дуге
и фолиант и нож в моей руке
я по ночам звоню друзьям и бабам
я глух и нем
мой лоб гудит набатом
на блеклый лист блюет фонарь щербатый
и месяц шупает щетину на щеке

и в Нальчике и в Чопе и в Чите
в червонке иль у черта на куличках
меня ведут к черте на переключку
или мордуют ночью при свече
о совесть сердца строгий мой истец
тебя зову по имени ты видишь
какую яму роют мне в Тавриде
и как убог мой траурный венец

.....

но стало быть мы все еще вдвоем
раз ум досель жует безвкусный студень
раз водит перст и бьется гулкий бубен
слегка фальшивя слева под ребром

.....

а по утрам я чувствую нутром
весь этот день утонет в блядском штофе

мой тихий друг мне приготовит кофе
и поднесет помойное ведро

1

Отброшен сад в эфир стеклянный...
Все этой грустью учтено.
Собор растерянный и странный
Фасадом терся об окно.

Казалось, полное затишье
Трухой осело на карниз,
На клавиши четверостишья,
На досконально белый лист.

Как мухи, синие светила,
Сильнее вжавшись в темноту,
Холодным светом серебрили
Больших черемух наготу.

2

Еще до гибели и глины,
И слякоти на каблуках,
Была задумчивость в гостинной
И тихий блеск на образах.

И был рассвет фатально-тусклый,
В лицо летящий, наобум,
И сонмы дождевых корпускул,
И небосвода птичий шум.

На клумбы, на цветы, на липы
Тяжелый опускался мрак.
Бывало так, что иней сыпал
На стекла, наперекосяк.

И пруд измаялся звездой,
И веток неизбежный гам,
Едва смешавшись с темнотою,
Прилип к оврагам и лугам.

В разноголосице картовой
Осок, таящихся впотьмах,
Гортанью голою, октавой
Роса звенела на кустах.

И тополя играли жестью
Стволов, и листья вразной
Летели в тишину предместья
Огромной птицей золотой.

Эпоха скончалась, как шлюха в дешевом борделе.
Ты помнишь, как щеки ее на постели белели?
Как бляла тьма, как дымилась в ней лунная лава?
Отравы б тогда нам. О, травы - отравы, отравы!

О, милый мой Людвиг,
Ты вспомни те мертвые страны,
Где речь, как река пересохла в немотных гортанях.
Ты помнишь еще ли метель ту, милейший мой Морган,
Как лед отдавал голубикой и кафелем морга,

На ликах лиловых те бледные лунные блики
И ливня столбняк,
И столбы,
И столпые липы?

О, слабый мой Лео, ты вспомни ленивую Клео
И весла Харона, и кроны в пустом Эмпирее,
И ломку олив,
И великую ликантропию,
И Лету аллеи, и лес, и блужданья ночные!

Где ж лоск холодеющих листьев?
Где лилии лепет?
Где пламени плеск?
Где алеющий в воздухе пепел? -

Эпоха скончалась, как Мерлин, в холодной постели,
И петел скулил, и качались елейные ели...

Я ключ повернул.
Я захлопнул тяжелые двери...
Не верю в потерю!
 Не верю! Не верю! Не верю!

При открытых дверях плохо спится и воздух горит
на покатых бровях целомудренных висмарских кровель,
теплый вермут открою,
с горы мне откроется вид
и ворвется в окно оглушительный запах левкоя.

В этих лунных прогулах фольга на деревьях сильнее
И чернее большак,
и задохшись звезда коченеет...
Скоро лампы зажгут,
очертания станут прочнее
и точнее ударит готический почерк речей...

Расстояние меркнет...
О, боже, какая печаль -
обниманья в подъездах, лафит, толкотня на платформах,
(Тяготенья к эпохе увязшей в пустом хлороформе),
И с похмелья курьер... и под утро письмо при свечах...

Восемь кряду недель я болею бронхитом тоски...
Грязь. Вокзалы в разъездах. Аптеки. Сырые фелюги...
Взять отгул у зимы и пальто затянуть, и подпруги,
и трястись целый день под обвалом стеклянной лужи...

Но расходится ширь...
Чую слабость и затхлость души...
И убогость вершин... и убитость в полночном хорале,
Когда рвется в тиши и крошится, и к скалам спешит
Макленбургский каракуль набитый чадающим металлом.

Голос в горле застрял...
ледяная гуляет чума
по карнизам и кирзе, и харкает хлопьями в лица,
Город стаями звуков летит из-под рук пианиста...
Шорох где-то в передней...

ОЧНУЛСЯ...
ВСЕ КОНЧЕНО...
ТЬМА...

АННА ЯБЛОНСКАЯ

я пью еле тёплую воду с осколком лимона
мне нравится город
соскабливать шрамы с предплечья
портовые краны
и люди живущие в моно
однажды уронят балконы свои в бесконечность
я ем пироги, начиненные звуками линий
мне нравятся бланки,
ничем не заполненный почерк
меня расфасуют в кувшины из солнца и глины
а может быть просто в железные звонкие банки
я стану читать «анатомию сна и момента»,
закутавшись в нежность,
идти за космическим плутом
и стану - возможно - не музыкой, но инструментом
в руках Человека с таким же серебряным кругом

РАСПЯТИЕ

Я больше был растерян, чем распят
Неверием или, возможно, верой,
Одетый в гвозди с головы до пят,
Нанизанный на штык легионера.
Я больше был, чем не был. Наконец
Табличка «Царь», к тому же «Иудеи»
Больней давила в темя, чем венец,
И с двух сторон несчастные злодеи
Мне говорили: «Ты не виноват!»
Я виноват! Мечты об общем рае
Не отменяют персональный ад,
Наоборот: подталкивают к краю.
... И я не понимал, зачем звезда
Тогда светила маме над яслями,
Я превращался в щепку от креста
И горизонт свивался вензелями
На черном небе. Никаких следов
Присутствия хотя бы тени Бога,
А только прах людей и городов,
Что все двенадцать отряхнут с порога...
И крест скорее был упрек, чем крик:
«Меня оставил ты, Отец небесный!»
И меньше всех я верил в этот миг,
Что все-таки когда-нибудь воскресну.

RAILWAY INDUSTRIAL

это очень трансцендентально
фотографироваться на вокзале
пытаться поймать объективом и ртами
хвосты уносящихся зданий
запах расплавленного металла
летний фальцет однорукого барда,
пирожки с мясом, край измочаленного одеяла
из окна плацкарта
это чертовски концептуально
ходить босиком по холодным рельсам
можно почувствовать себя наскальным,
плоским дождем апрельским
или мелкой колючей галькой,
желтой насыпью полотняной
это очень трансцендентально,
что эту женщину звали Анной

МНЕ СНИЛСЯ ДОМ

Мне снился дом, облитый сургучом,
Над домом ива низко наклонилась.
Я утром разговаривал с врачом.
Он спрашивал меня о том, что снилось.
Я рассказал.
Мне снился дым без дома и трубы.
Мне снился кот, чей хвост трубой был поднят.
Еще во мне приснились мне рабы -
По капле их выдавливал, но помню,
что не был понят
ни домом, ни рабами, ни врачом -
мне снилась материнская утроба.
Я из нее с трудом был извлечен
и почему-то сразу помещён
в прямоугольник гроба.
Я не захотел
Таких пространств, таких перемещений
Я был всего лишь атом в сгустке тел,
я- атомный - потребовал прощенья,
и был прощён.
И возвращен сюда -
В густую вязь вибрирующей яви,
где на дорожках Страшного Суда
под каблуком поскрипывает гравий...
И ждет письма хозяин сургуча
И снова ждет врача хозяйка дома
А ива, как ни странно, ждет луча,
покачивая веткой невесомо

между мной и не мной разрушается карточный мост
и теперь я не знаю, в каком направлении ост
и куда мне идти, если пункт назначения - ист
раздается внутри молодецкий пронзительный свист
и шуршание крыл, и жужжание шершней и ос
на губах замирает молитва, бессвязное: Гос
подь - поди разберись, кто ответит на легкий вопрос:
почему все молитвы спрессованы в емкое SOS?

ну, а я распускаю молчанье заплетенных кос
потому и слышался свист и разрушился мост
и не SOS а СПАСИБО. Спасибо за ист и за ост!
Я иду по мосту. Ты и есть мой единственный мост.

ЗАТМЕНИЕ

Я завидую людям, которые спят в поездах
И уверенно пьют кипяток
из дрожащих стаканов,
Для которых все рельсы
на свете - одна борозда
И кому параллели дороже меридианов
Я завидую людям, которые любят людей -
Нелюдимые люди гуляют вдали от вокзалов,
Одержимые рядом нелепых, но вечных идей
Превращенья камней..превращенья камней - в драг. металлы
Я завидую людям, точнее - всего одному
Человеку, который, действительно, царь и зверей, и растений
Говорят, Он внутри.
Я его в темноте обниму,
ожидаю, возможно, сиянья, возможно - затмения.

Спектакль кончился овацией
И вся Земля была нам залом,
И небо было декорацией
И декорация упала!
И начал дождь в восторге литься,
Крича нам «Браво!» в унисон,
Смывая грим, и с гримом - лица,
Плескался в душах примадонн...
Мы отслужили сцене мессу,
«Аминь!» и «Бис» нам грянул хор!
Ведь Бог был автор этой пьесы,
А Люцифер был режиссер...
Они друг другу руки жали,
В финале выйдя на поклон,
И крылья ангелов дрожали,
И бесы выли за стеклом...
Вздымались бархатом кулисы,
Звучал над сценой Брамс и Глюк,
А за кулисами актрисе
Суфлер сказал: «Я вас люблю»
Актриса думала, что это
Слова из роли говорят,
И наполняя фразу светом,
Ее метнула в первый ряд...
А где-то там за горизонтом,
В гримерке, где не слышен шум,
Актер, игравший в эпизоде,
Слезами чистил свой костюм...

НАУГАД

Свет фонарей тонким кнутом рассекает воздух.
На четвертой странице становится ясно, чем кончится повесть.
Пропасть меж светом и беспросветностью пролегает там,
куда проникает голос.
Черной рубашкой на зимнем ветру пульсирует совесть,
пытаясь высушить собственную бессонницу.
Вести с востока, с севера, с юга - дурные вести.
Статуя, мост, лестница, пепел, купол, надгробие.
Город умеет из занавесок плести невестины
шлейфы. Город, который по образу и подобию
мог бы сравниться с вечностью - хочет сравняться с землей.
Город похож на ветку, которая треснет
под тяжестью яблок и колоннад.
Город, которому хочется что-то сказать, но результат -
два слова, крик, который вряд ли чему-нибудь нас научит.
Город, не надо! Нет надобности останавливать ветер
и отворачивать участь.
Муссон и пассат - смешны перед ликом великого урагана.
Их было много: Кэтрин, Фрэнсис, Иван, Жанна,
но там - на других берегах...
Здесь о них ничего не знали.
А теперь пора пожинать плоды пространства,
которое так долго нас берегло от бури.
Добро пожаловать в черно-зеленый, белый, прозрачный,
красный...
Добро пожаловать в город.
Нужно глаза зажмурить, можно шагнуть.
Наугад.
Нужно выстрелить в птицу.
Птица, раскрой свои крылья.
Птица, прости свой город.
Это - закат.
Птица, позволь и ему проститься с твоими гнездами.
Ты все равно не перенесешь зимовки.
Видишь, какие холодные звезды

смотрят с автобусной остановки,
с набережной, с холма...
Птица, пора стреляться -
пришла зима,
и она берет себе в секунданты
Осень.

*... Он тот, кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущенье клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена...*

/Максимилиан Волошин/

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

Как медлит в тихом доме звук,
И стены явственно легки,
Ржавеет цепь разрыв-разлук
Вдали от высохшей реки.

Да, здесь ничто не навсегда;
И небеса так далеки,
И будет вечером привал
У нами выпитой реки...

Так медлит колокольный звук
И за шеломом города.
Бежит река разрыв-разлук,
И вслед реке молчит трава.

Земля фосфоресцирует кругами
Над бездною взволнованных теней
Их океан пучин морских темней,
Там облака и смутны и туманны.
И средин них, нехоженой тропой,
Над плачем и страданием великим
Тень Данта, что Овидием влеком.
Пусть путь его – дойти по дну бытия
До лестницы Иакова священной,
Которая вздымает в вечный свет
Тех, кто земные разрешил оковы,
Тех, для кого исчезли «Да» и «Нет».

АЛЬГАМБРА

Какие странные названия
Встают из глубины веков...
На башне пламенной Альгамбры
Есть призрак – маятник часов.
Над ним, над тучами – созвездья,
В них тонет тихий ход минут,
А во дворе, вблизи фонтана
Нас чьи-то тени ждут.
Кто вколдовал зверей во мрамор?
Кто в чёрный камень львиный гнев –
Клыков оскал, горящий адом,
Вковал и запер ото всех?..
И кто неслышно, словно кошка,
Крадётся в полночь галерей,
Когда из малого окошка
На башне свищет соловей?..
Когда весна вокруг, цветенье,
Альгамбры сказочный дворец
Весь в ожидании озаренья –
На башне – Солнечный венец...

«На суше тонут без любви!»
В воде без ненависти тонут.
Любовь – русалочьим затоном,
И сети у любви в крови,
Кого поймают – не зови –
Он подчинён, пленён, утерян,
Ему закрыт свободы терем,
Не к высоте его пути...
Любовь от Истины и Дня
Святых лучей – иная сила,
Когда поверх всего и вся
Сиянием из высей сна, -
С Голгофы взгляд, с вершин Креста –
Всеобъемлющим покровом,
Как тёплый ветер в поле льда,
От игл тернового венца –
На все растения, камни, звери
И на людей, в ком светоч веры, –
Любовь великая Христа.

РЕВНОСТЬ

С душою полной входишь в дом своей любви,
А там – в потёмках за столом – нетопыри.
Нетопыри сидят и пьют разрыв-вино,
Им ревность в бочке подают. Крепко оно.
Их огненный и мрачный тост не пей, постой,
Отбрось бокал и убегай, пока живой!
Не верещат нетопыри – Останься, друг, –
Расскажем, кто когда ласкал твоих подруг...
И вот опять с нетопырём ты пьёшь вино –
Настояно разрыв-травой опять оно.

Время разбрасывать камни настало давно,
Мы разбросали, как камни,
Минуты и дни нашей жизни,
Камни бросали в костёр,
Из костра полыхало зерно,
Злак лепетал о любви...
И о тризне.
Вечности смертный налёт на губах,
А вослед, —
Что на дороге ночной
Оставляем мы вечной порою?..
Люди уходят, зерно полыхает в костре.
Время гремело в набат,
А теперь засыпает к отбою.
Время нам камни собирать,
Да иссяк камнепад.
Звёзды, как прежде,
Летят нам навстречу
В надежде...
Мы по волнам
— по ступеням —
Идём в водопад
И кто-то светлый
Встречает нас
в звонко-хрустальной одежде...

В театр веков распахнуты врата,
Тевтонский меч давно вморожен в камень.
Тетрарх заснул. Желтеющий пергамент...
Не шелестит по-гречески строка.
Нить освещает белые огни,
В гробнице череп сторожит мгновенья, –
Не перекрыть всецелостного бденья
Той чуткости, – без носа, без лица...
Над миром Логос сознаёт себя, –
Он домышляет судьбы, дни, соцветья,
Орнамент мыслей, снов, тысячелетий,
В его рассвете Пирамида льда –
Астральный свет грядущих огнелетий...

Мы куда-то так плавно,
так детски-свободно летим,
Мы во сне ощущаем еще огневую свободу;
мы из пламени падаем в талую воду,
над скалистыми льдами свободно парим...
Ну а ниже, под нами, лишь облачный дым,
обещающий городу злую погоду...

Пчела летит к раскрытому цветку,
И ласточка к гнезду у скал стремится
Живое сердце – тихая Жар Птица,
Уже смирила радужный полет
И на оконце прошлого садится...

ЭПИТАФИЯ XX ВЕКУ

Огонь горит меж Марсом и Луной,
Вступает змей в права и полномочья,
И ветер веет по шипам двустрочий
И смысл бытия – как облачный фантом.
Не в букву слова, в шквала бурелом
Вложил Творец своё благословенье;
Не слышат Бога и его велений
Кто в стойло жизни тяжко погружён.
Лишь изредка, в тумане, там, где храм
Века назад был вознесён главою,
Неясно слышим пенье с аналая,
Проскопия звучит вослед орлам...
Мы знаем тайну – мира больше нет.
Мы знаем, испустила дух планета,
Лишь видимость души, чья песня спета
Средь призраков пустеющих химер.

ИГОРЬ ПАВЛОВ

Я знал, что рано встану,
Что подойду к окну,
Что за окном застану
Нагую тишину,
Что выйду за пределы
Окраин городских,
В степной глуши затерян,
Как безымянный скиф.
Так стало. Так случилось.
Так думалось душе,
И счастья беспричинность
Разгадана уже.
И сердце наградили,
Невесть куда маня,
Рассвета паладины,
Приветствуя меня.

Кармен Риэре

Ты мне скажешь в этот вечер,
Что изюм не так коричнев,
Что мой дом - не так беспечен,
Поцелуй - давно привычен.
Упрекнёшь, что мало значишь
Для ленивца и бродяги,
Отвернёшься - и заплачешь
В мои белые бумаги.
Ты мне скажешь, что сегодня
Нет того, что было прежде,
Что пора увясть бесплодно,
Что пора уйти надежде,
Что ничто не очевидно
И ничто, увы, не ново,
Что грустить о прошлом - стыдно,
Ибо жили бестолково.
Обниму, прижму шутиливо.
Тут спокойно дышит ладан.
Слава Богу, всё по кругу...
Поглядим в глаза друг другу!
И скажу чистосердечно:
Ты права. И ты - красива.
Улетело наше лето,
Отшумели, отшутили -
Не расстались. И об этом
Я скажу в высоком штиле:
Дорогая, ваши плечи
Пахнут утренним туманом.
Это значит - наши встречи
Пахнут снегом и обманом,
Это значит - мы коснулись
Некой тайны... нежной тайны...
Это значит - ветры с улиц
Преднамеренно случайны.

Это значит - мы любили,
Это значит - мы летели,
Это значит - нас забыли
Снегопады и метели.

Ты — как река. Ты вся — движенье.
Быстра, стремительна, легка.
В тебе находят отраженье
И звёздный блеск и облака.
В тебе покоя нет. Покоя?
Ему ли жить в твоей груди?
Но будь разумною рекою,
Из берегов не выходи!

ДАВНО

Читали Гёте. Жук скрипел.
Шумело море о себе.
Вдали от наших драм
Взлетевший солнечный жучок
Впивался в небо, как зрачок,
И растворялся там.
С деревьев падали миры.
В обильных травах шли пиры,
Сверчок прощально пел,
И небо трогал разговор
Листвы, - и поздний помидор
Простужено аел.
И был уже ноябрь. И дым –
В извилинах лоцин,
Но было небо молодым, --
Не ведало морщин.
Читали Гёте. Или – нет?
То, может, был другой поэт?
А, может драматург?
Кто? Ибсен, Чехов? Кто из них?
Шекспир? Андреев? Кто возник
Как маг и демург?
Читали Гёте. Плакал сад.
То было сорок лет назад
В бескрайней зоне крыл.
Читали Гёте. Плакал сад.
И мир творился наугад.
Я сам его творил...

ПОД ДУШЕМ

Стоишь, нагая и хмельная,
С лицом немым и незнакомым,
И отдаёшься, как Даная,
Дождю, от солнца золотому.

Но всё туманнее, всё глуше
Водица льнёт к стопе босой
И ты выходишь из-под душа,
Как плод, обрызганный росой!

Меня одела благодать
И под моей рукою
Сияет выгнутая гладь
Озёрного покоя.
Сияет ветер – вздох его
Так неподвластен смерти!
Просторы духа моего –
Земле, воде и тверди!
И дышит сердце налегке –
Кусты, обрывы, охра...
В моих ладонях, как в садке,
Лепечут рыбы мокро...

Свет ползёт по большаку.
В темноту ушли рябины,
И прислушались глубины
К грустившему сверчку.
Звездопад, как зернопад.
И – сияет, и – лоснится
Месяц, старая лисица,
Объедая виноград.

В СТОРОЖКЕ

Спать! – велели часовым.
Спите! – сон рассыпал крошки.
У меня, как у совы,
Дыбом перышки и рожки.

Дремлет шарфик, ворс – в росе,
День прошёл – и нереален.
Потонули беды все
В чёрной отмели рояля.

Ты устала, чуть жива,
И рука лежит – как веер.
Над тобою тихо реют
Серой птицы кружева.

Ты устала. Отдохни.
Позабудь, усни, не вспомнив,
Что гремели наши дни,
Как вагоны в преисподней.

Отдохни, усни, усни
В темноте глухой сторожки,
Где у каменной совы –
Дыбом перышки и рожки.

АННА СТРЕМИНСКАЯ-БОЖКО

Тот день наполнен мёдом был до дна,
Осенним мёдом – светлым и тягучим.
Жара ушла – иные письма
Писал сентябрь на всей листве летучей.

В тот день хотелось книги перечесть
Забывтые, не вспоминать ошибок.
Разлюбленных, обидевших не счесть –
Все были прощены, а день был зыбок.

Он легким был и теплым, как волна
Нагретая у берега, как сено,
И развевались простыни, как флаги
Неведомой страны, когда в неё
Вошли мы без геройства и отваги.

ЭВРИДИКА

Ария Тоски в подземном звучит переходе,
Тоска поёт с затаенной надрывной тоскою.
Тоска подземная в плащике не по погоде
С бледным лицом, что припудрено смертным покоем.

Мечется голос надтреснутый, жалкий, зовущий,
Гольх красоток и лики святых омывая.
Мечется и рассыпается пуще и пуще
Под грохотанье летящего к морю трамвая.

Песнь Эвридики затем в этом царстве Лида...
Вот и Орфей, а быть может Харон – я не знаю.
Выручку он заберет, он зовет её Лида,
Вот он выводит её, вот поверхность земная.

Вот он идёт и на тень её не оглянётся,
Всё как всегда: и спокойно, и тошно, и дико.
Только галерка случайным хлопком отзовется,
Только останется – Тоска, тоска... Эвридика.

КИНБУРНСКАЯ КОСА

Здесь море и небо

на равных ведут диалог,

здесь чайки не кланчат кусочков

поджаристой булки.

Разбросаны хаты в степи,

как хотел того Бог,

а степь – это синий кувшин,

удивительно гулкий.

И нас веселит бормотание старой сосны,

что с ветром блажным дурит голову

здешнему миру,

и ночь выпускает свои невесомые сны

для тех, кто устал от общения с массой

эфира.

Огромное манго висит молодой луной.

Откуда такое?

Принесено морем наверно.

А сети рыбачьи как город,

наполненный ветром...

Откуда всё это?

Да просто ты, милый, со мной!

Гамак твой качается между звездой

и водой,

меж жаждою жить и засохшей степной

лебедой.

Когда пространство ограничено судьбою,
то это не случайно – значит, вещи
хотят вниманья нашего, обои
предстанут картой мира в сетке трещин.
Трубач хмельной по улице моей
бредёт, шатаясь с похорон, играя
песню Утёсова; лицо его красней
заката над домами, яблок рая.
И вот невольный он соавтор мой;
в судьбе моей всё чаще так и будет.
Едино всё. И мыслей пестрый рой,
и вспышки образов беру из царства буден.
Я в рабстве у событий и вещей,
больна стихами, что приходят градом.
Терпи, Агарь, – изгнанье тяжелей;
терпи, Иов, болезнь – тебе наградой.

Памяти моей бабушки А.Н.Романовской

... И море иное прольется над лодкой земною,
и втянет воронкой единственного пассажира,
да выбросит так далеко, что молитва служила
о новопреставленной Анне лишь нитью связною.
И Анна оставит свои упования, надежды,
и мысли нехитрые старой одеждою бросит,
ненужною. Жизнь остается размеренной, прежней,
отсутствие материально, как проседь.
А в венах у этого города Черное море
пульсирует, бьется, смеется, Слободку качает,
чтоб Анна уснула спокойно и грозди чтоб вскоре
морскою водой налились и восторгами чаек,
чтоб не было в жизни уныния. Бога любила
покойная, песни любила (земля пусть ей пухом).
О том, что шаланды кефали полны, в забвении говорила,
кефали полны серебристой от речи до слуха...

НОЧНОЙ ИЕРУСАЛИМ

Древнее золото огней на полночных холмах.
Ночь ароматов.
Стих карнавал пёстрых платьев, ермолок, рубах,
шляп и халатов.

Больше нигде ни огней, ни холмов, ни небес,
этим подобных.
Были тюрьма, и Голгофа, и крест, было здесь
всё для бездомных.

Лилий богаче и птиц, он въезжал на осле,
самый богатый.
Что раздавал на святой, вероломной земле,
то и распято.

Видим из Библии всё на полночных холмах,
что пожелаем.
Город насилия, мира, любви, что сильнее, чем страх.
Ерушалаим...

Ю. Островершенко

Что-то иное всегда ощущается нами
в зале ли полном, в толпе ли и в дел карусели.
Где-то запахнет осенними резко цветами,
дымом запахнет горчайшим – и вот мы у цели.
Вот мы у выхода – небо оттенков агата
там где иное, как дым над землей, без предела,
и там, где вечер нальет нам в стаканы заката,
и где другим никакого до нас уже дела.

Что-то иное я вижу в тебе полупьяном
и сквернословие – твои небеса и деревья.
И одинокие лодки, что скрыты бурьяном,
и одинокого ливня слепое кочевье...

И всё ж приходит ночь,
и глаз Луны глядит
по-рыбьи, стон – «Невмочь!»
дерев-кариатид.
Моллюски звёзд лежат
на круглом сонном дне.
Всё просто, как душа,
когда искуса нет.
Не спи душа, проснись!
Устроены хитро
и виноградный лист,
и голубя перо.
Но всё же, если ночь
нам как покров дана, –
нужны мы, и точь-в-точь
даны нам имена!

ЕФИМ ЯРОШЕВСКИЙ

СТАНСЫ ВРЕМЕНИ

Посмертная слава при жизни,
концертный костюм ледяной.
Всем телом прижаться к отчизне
усталой кремлёвской стеной.

Узбек ли кричит на молитве,
калмык ли справляет нужду —
Холодное лезвие бритвы
остудит былую вражду.

Кого не признает эпоха,
того не заметит патруль.
Везде одинаково плохо —
на солнце стоять, на ветру ль.

Гремит огнедышащий полдень,
зияет глубокая ночь,
И нет ни тригорских, ни болдин,
и гений не сможет помочь.

Не будет ни мира, ни хлеба,
войну напороочит спирт.
Горячее смуглое небо
над городом вечным парит.

2.

И брат ополчится на брата,
и нервы натянут струной.
Холодное небо разврата
висит над великой страной.

Молчит потрясённый оракул,
весталки бормочут во сне.
И сотни проснувшихся Дракул
довольными будут вполне.

И наша Россия не наша,
и спят в золочёных гробах
знакомая Чехова Маша
и бедный барон Тузенбах.

Сквозь кружево пауз и реплик
Тригорин уходит в туман,
за пулю хватается Треплев,
Шарлота стучит в барабан.

... Дымится вдали синагога,
и во холоде страшных равнин
еврей уповает на Бога
и верит в судьбу славянин.

Поклонимся вечной отчизне.
Натянуто время струной.
Посмертная слава при жизни,
последний костёр ледяной...

... Война закончена. Мы все убиты.
Мы до сих пор лежим. Мы не зарыты.

Случайный конь, на нас наткнувшись ночью,
пугается, вперёд идти не хочет.

И, кланяясь, назад, назад уходит.
И стороною мёртвых нас обходит.

Там мы лежим, не прибранные, небритые.
И видим всё. Глаза у нас открыты.

Летают кони тихие во мраке...
А мы лежим. И жадно ждём атаки.

Я старый маг морей, усталый аллигатор,
гиппопотам! Звериный Карл огня!
Я бедный идалго, я маленький плантатор,
я в клетке кепчатой, не обижай меня.

Я в аленьком бреду, я в желтенькой косынке,
как негритёнок Ли с китайской бахромой,
с бубенчиками слов в зелёной корзинке,
опрятный счетовод, смеясь иду домой...

ВЕСНА

... А утром во дворе так тихо лопнет лёд,
и сыростью ночной подует из сортира,
с окрестных гор и ледяных болот,
из плодоовощной квартиры.

Там грезит о тепле холодный зябкий парк,
налитый молоком тумана,
там детское евангелие Марк
читает людям без обмана.

Пускает в небеса свой аленький кораблик
мой грач двоюродный, троюродный мой зяблик.

.....

... Не знаю почему, но в сумерках рассвета
таится ослепительное лето.
И тает лёд, и ветка голодает,
и месяц тонкий над землёй летает...

И город всхлипнет вдруг, и ослабеет холод,
и скажет мне мой друг, что я красив и молод.

Кругом такая ночь!.. Расслабленная речь,
задумчивая дочь, затопленная печь...

И звёзды смотрят вниз в предошущенье чуда,
и неземная речь летит оттуда.

НА ОТЛЁТЕ

Мне кажется: на тёплых камнях города
лежит моя голова.

Она осталась здесь...

Дышит, смотрит в листву, грезит –
послевоенным летом, детством,
клёкотом свежей воды из-под крана,
югом, мокрой галькой моря,
облаками над Хаджибеем,
книгами юности,
нашими надеждами, музыкой, –
отшелушившейся молодостью...

Теперь я вижу себя,
бегущего в лабиринте дворов
отощавшей гончей,
с исхудалым лицом педагога,
уже почти безумным...
Нынче всё позади,
но это во мне.

Я долго смотрю на месяц.
Месяц тонкий, слезящийся...
Кругом ночь, крыши, туман.
Блестит мостовая... Никого.
Я не выдерживаю –
и поднимаюсь к звёздам...

ВРЕМЯ ЖИЗНИ – АПРЕЛЬ

Печальные дети отпетой зимы!..
Страна многолюдна, и люди в истоме.
Там дети Гоморры играют в Содоме...
О, только б спастись от сумы да тюрьмы!

Гоните их в шею! Чеканьте мосты!
Оставьте в покое монеты и флаги...
Сверкнут ятаганы в турецкой отваге,
и в детской молитве раскроются рты.

Прощай, Андалузия! Лето, прощай!
Зима наступает на горло предметам,
и солнце китайское смотрит при этом
так косо, как будто летает праща

по улицам... Статуи стыннут в метро,
деревья роняют остатки обедов,
и ветер пирует на кортах соседа,
и мальчишки спят, улыбаясь хитро...

Гуляет весна. Городской Капабланка
обыгрывал в шахматы местную власть.
Вороны кричали надсадно и всласть,
и в небе дрожала спортивная планка.

... Крошится апрельский обеденный мел.
Все школы объята распутством и ленью.
Проклянулась травка. И маленький Ленин
ещё не родился, ещё не проснулся...

Страх и трепет у ворот,
снова жизнь кого-то треплет...
Время движется – и вот
наступают *страх и трепет*.

Входит в гости Киркегор,
жизнь опять кого-то мучит...
Нерадивый Пифагор
неуд свой опять получит.

Видно, жизнь не удалась...
Стыдно слушать этот лепет.
Неужели снова в класс,
снова в школу, в страх и в трепет?..

СТАНСЫ – 2

Анатолию Глацу

Корнеплоды и заводы,
сизый муравей,
Мы с тобой одной породы,
брат мой, соловей.

Сухофрукты и продукты
тонут вдалеке.
И плывут барахты с бухты
по родной реке.

Гарнитуры и амуры...
Лавры старика...
Белокурые профуры
смотрят свысока.

Пионэры и эсэры,
прадед и кадет –
каждый, кто из СССРа,
празднично раздет.

Огнедышащие волки,
мокрая трава...
Дует в поле ветер колкий,
гнутся деревья.

Дирижабли и скрижабли,
в небе человек...
На одни и те же грабли
наступает век.

На таинственные книги –
Кафка, Элиот –
сквозь тяжёлые вериги

смотрит идиот.

Будет жертва, будет клятва,
жатва и жратва...

За базар ответит завтра
глупая братва.

Потому и смотрит косо
неподкупный вождь,
что родные абрикосы
поливает дождь.

Потому и верит ветер
в сонные пруды,
что одни на белом свете
живы — я и ты...

Потому и смотрит грозно
месяц из-за крыш,
что молиться Богу поздно
там, где ты стоишь.

МАРК ЭПШТЕЙН

1

Тьма – не отсутствие светил,
но шелест угольных материй
о плотно запертые двери,
о стены тренье жёстких крыл.

Я слышу стук твоей прядильни,
ночной вожатый. Полот рот
твоей отравы молодильной –
той, от которой шерсть растёт.

Но знаю: патки ступени,
ведущие в паршивый дом,
в ажурной свите светотени
к утру хрипят за петухом.

2

Я сплю. Я вижу сумрак тинный,
но верю, что спасётся дом
пускай не криком петушиным –
хотя б кукушечным враньём.

И до рассвета будет сниться,
что в театральной тишине
в часах замученная птица
хрипит на кухонной стене.

Мёртвых веток чугунные плети,
и лицо начинает гореть.
Буря мается, плача, как дети,
и не может никак умереть.

И, казалось, - не нужно и глупо,
и опасно вставать во весь рост,
где надёжно заваренный купол
обнадёживал россыпью звёзд.

Говорила ль звезда со звездою?
Никогда. Над моей головой
открывалось окно слуховое –
хохотали всю ночь надо мной.

Ну и что? В этом хоре невольных
белый хаос. Стрелец, водолей,
что бессмысленный ваш треугольник,
если нет чудной скрипки моей?

Видишь, Бог, защититься мне нечем,
но лежат на ладонях твоих
первородная речь человечья
и бессмертное бляенье – их...

Белый пепел плевел – пыль и труха
с юга, с севера – и в горле першит.
Только это, человек, чепуха:
петухами воздух вышит, прошит,

что Кашеевой чудесной иглой
(хочешь – гладью, а хочешь - крестом),
и никак не перепачкать золой
всё, что выстирано в доме моём.

Хорошо, что никого за спиной.
Только ангел мой бредёт и земля
прорастает бесполезной травой
там, где след от моего костыля.

Ты свищи меня, ищи по следам
(видно, бес моё тревожит ребро).
Вот наступит осень – крикну «Сезам»,
в зазеркалье уходя, в серебро.

Трамвай на круг и — мосту.
Кот — на единственной руке.
Фиринку этому коту
Старик домой везёт в кульке.

Старик уснул и видит сад,
Где мама кличет на обед.
Здесь невозможен самокат —
Необходим велосипед,

Чтоб жизнь на каждом вираже
Бывала, смыслу вопреки —
На расстоянии уже
Давно потерянной руки.

Я тот, кто понимает до конца,
что до конца не покидает лона,
кому, увы, не увезти лица
от перемен за окнами вагона,

Но увезти свой бритвенный прибор,
две пары брюк, белья четыре смены,
рубашки, зонтик, фотоаппарат
и что-нибудь поесть – на двое суток.

Сказать ли, что стареющая плоть
боится бритвы дурака-скитальца,
поскольку на вокзале есть Господь,
а Он вчистую обрывает ноги...

Я согласен, я тоже кричу «Банзай»,
Это трогательный сериал до слёз:
Вот он зайцев спасает, как дед Мазай,
Вот подарки приносит, как дед Мороз
В белом венчике...

Я затвердил урок,
Что не оскудеет Его рука...

.....

Добрый Бог, напевающий «мой сурок»,
Нежной хваткою горло сдавил сурка.

Не торопись, с восторгом не гляди
на плотно упакованные вещи.
Ты говоришь – руины позади?
Но впереди развалины похлеще.

Тем более – не плачь и не печаль
бровей, мой друг. Вообще лица не морщи.
Приятна очарованная даль,
Разочарованная даль намного проще
для привыкания. Я знаю наперёд,
что там стоит колонной баба Лота.
И, чем немилосердней солнце жжёт,
тем безупречней, чётче выйдет фото.

В долине камень лёг, гребать-копать,
пороховатый. Снять его не труд, но
на нём я буду ящерицей спать.
Полуслепой. Бесхвостой. Изумрудной.

ГАЛИНА МАРКЕЛОВА

АВГУСТ 2003

Закипают воды глубин от нещадного зноя,
убыстряется бег nereид за урчащею пеной морской...
Не догнали
и бросились вроссыпь,
от жаровни рыжеющей бухты
быстрее уплывая –
вспять от кромки, от гиблой границы
в инкрустации галек и перламутренок мидий
той античной подковы амфитеатра,
охватившей площадку,
где трагедию метаморфоз три стихии
усердно играют летним полднем
пропитанным йодом и солью, и бризом,
и восторженным вечно-девичьим визгом...
Да, бессмертие, юность не нам предназначены,
всё ж рискнём
и отправимся следом
за блеском чешуек
нерейдиных вздохов
на глади вскипающей сини,
спустим парусник
с рдяным полотнищем паруса, -
в спину
пусть напустит Борей подорожные бредни...
Убежать, поскорей бы,
от бухты, от жара, от бреда
театральных подмостков безумного века!
Нам,
возлюбленными древнего Посейдона,
поседевшим от соли измен,
от стога прибоя,
от объятий стихий, от прелести воли,

от особой юдоли
собирать все крупинки, все блёстки,
все вздохи полуночные и дневные...
Убежать, улетучиться,
как смех nereid,
что волна то накатит, то смоет,
оставляя взамен на арене песка
потревоженных чаек
утончённый почерк,
да рдяные раны,
наши с тобою.
Превратиться то в йоды, то в брызги, то в соли
бессмертного Понта,
его становясь полноправной водою.

Шелковиц школьные чернила
июнь сгустит до цвета антрацита
и уравниет шалолая и зубрилу,
наляпав клякс на пыль асфальта
и на забытую из Тацита цитату.

И зной, и воля за окном звенят,
и римской конницы всё так же цокают копыта
по мостовым Одессы – знать не вся
победа для Империи добыта...

Она лишь имена меняет и покрой сенатской тоги,
а мир – двучастный, он такой, как и всегда в итоге:
всегда квадрага вздыбленных коней
готова мчать цивилизации ковриги
для варваров, которым наплевать
на ваш устав,
у них свои интриги –
оседланным удерживают дух,
что гуще и темней шелковиц сока,
что тикает
и цокает в крови
и местью, кровной местью взрывы множит.

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Сад перезрел излишне
краснотой,
вернее, коркою на ране.

Тряси!

Град Гефсиманских вишен грянет,
там, где рыдал Назаретянин.

Не говори, что сад весь обобрали,
что пазухи полны, а пугало осенено крестом...

В верховья гвалт – пернатых испугали
две вишни, сбитые прожорливым клестом.

О! Их полёт – преображение вполне,
от чёткой формы – до кровавых пятен
отчётливых.

Помянем время вишенкой в вине...

О чём рыдает тот, что на распяты?

расцвели стихи мои хризантемами
в декабре.

День затерян там,
мир затеян так,
что в обрез...

Вот покрылся инеем крест антенн –
на затерянной волне перевес.

Лепестки – лукавые приманки,
цвет украден у обшарпанной шарманки,
линз и преломлений зимний лес,
чтобы мой читатель в чашу лез.

Что ему до поздних хризантем,
разве он искатель праздных тем?
И учует ли
он в том несытом
запах яблок, что несу я сыну?

ФОТОГРАФИЯ

Скрипит суставами бамбук.

На странный зов, на мерный стук
слетаются стрекозы.

Я прислоняюсь к бамбуку
и разбираю чепуху
скабрёзную -
в стихах и прозой.

Ещё светла моя душа,
и за душою ни шиша,
сизжу в беспечной позе.

Но метко щёлкает затвор
и делит жизнь

до этих пор

и тех,

что будут после.

Да как постигнуть этот миг,
что делит человеческий мир
беспечностью, заботой?

Вот мне подсказывал бамбук,
что в мире вечен только звук -
сизифовой работы.

ТАВРИЧЕСКИЙ МОТИВ

Е.Н.Шелестовой.

Стай перелётных строевая подготовка
над полигоном порта - тяжкий мах крыла
Вдруг чайка, поседевшая оседлая плутовка,
лукаво бреющей петлёю над челом моим прошла.

Она затянет этот страшный узел
меж птичьим и людским небытием.
Всё вымеряв, и просчитав, и взвесив сузим
ли риск и совместимость жития?

На скид ружья расстрельною картечью
не огласим ли поражение, твердя,
что, мол, какие проводы и встречи
из райских мест в родимые края?

Что, мол, живой природы просторечье
нам недоступно и рискованно весьма
гусяного клина манёвр под вечер
над крышами притихшего села...

Что создано давно подобье рая,
где птичек кованых качает
блеск алюминиевых крон
и никакой не нужен корм

дизайнером смонтированной стае,
что не чирикает и не перелетает,
но невзначай напомнит лишь слегка,
как четко бьёт убийц рука,

хоть и она порой перегибает:
перестреляли, а кого – не знают!
И силуэты птичьих перелётов

скользят в подшивки протокольных переплёт^{ов}.

Горит октябрь.
Октавою отлета
Отрепетирован отрезок бытия.
Октябрь горит, как рукопись твоя,
как все мосты, построенные Римом,
и только двое вас -
октябрь и ты -
в единоборстве обернулись дымом.

Как душу берedit угар строфы
прошедшей всей истории извивы.
И время цезарей в моей сгорит руке,
как ветка ясеня огнем неторопливым,
пока туманный Истр томится на курке
метаморфоз и стонов журавлиных.

Когда бы знать,
чем обернется милость
опеки Августа?
Он распорядок дал,
но в октябре сгоревшем заблудилось
преображенье, память обуздав.

Горит октябрь.
Октавою отлета
отрепетирован отрезок бытия.
Октябрь горит, как рукопись моя.

МОИ ПРИЗНАНИЯ

Я знаю,
девочки грядущего столетья
своим любимым будут лепетать
мои признанья,
моих стихов соцветья, -
всё, что тебе я не успела досказать.

Я их наполню духом ворожейным,
я формулы магической добыюсь,
когда нектар страстей и амбра вожделений,
всё – шелест губ,
всё – вечности искус.

Я любш языческих ведические корни,
заглушенные сорняками порно,
очищу и укрою кружевами,
что бабки в девушках покорно выплетали,
где золото-серебряные нити –
надёжные хранительницы битов
прозрения души,
свет ипостасный духа,
мелодия для внутреннего слуха,
где простота любви – гармония прощенья –
терпение и отречение.

ИЛЬЯ РЕЙДЕРМАН

История вращает жернова,
похрустывают косточки людские.
Ей миллионы мёртвых – трын-трава,
ведь цели, разумеется, благие.
Всё в жертву – поколения и века.
Работает, не ведая одышки.
Что наши муки? Ей нужна мука,
чтобы испечь грядущего коврижки.
Как всё мгновенно, ненадёжно, тленно,
бессмысленный напоминая бред!
Так откажись, восстань, беги из плена.
Плюнь в телевизор. Не читай газет.
Истории нет больше. Тьма историй
взамен. Вконец запутанный клубок.
Все истины уже погибли в споре.
Сознания нет - и обморок глубок.
... Но в том просторе, что незрим очами,
в высотах высей, в глубине глубин,
в величественном мироздания храме
стоишь не вместе с толпами – один.
Вот глубина, в которой - тайны свет.
Тут времени ослабевает сила.
О, если жизнь ещё не вся постыла,
здесь – вопрошай, здесь – вожделей ответ.
О, вопрошай, покуда сердце бьётся!
Ты здесь стоишь. Какая в мире тишь!
И лишь тогда история очнётся,
когда ты в вечности себя определишь.

Побывать бы в осени невиданной,
в её просторе необъятном,
чтоб в жизни – книге недочитанной –
всё стало, наконец, понятным.
Как пьёт пчела нектар медлительно,
глядеть, глядеть, впивая дали...
Да, жизнь идёт к концу действительно,
мы мудрой учимся печали.
Душа – измучена, но держится,
не ведая последних истин.
А может, истина и брезжится?
И взгляд прощальный – бескорыстен.

Вот круг людей. А вот – природы круг.
Деревья тянут к нам обрубки рук.
О, голову свою наполнить ветром
и беззаботным быть, весёлым, щедрым!
Пусть мысль пускает корни в небеса,
вниз свесив голову, земле внимая.
Её не испугают чудеса?
Она приемлет всё, не понимая?
Ах, мысль моя, прошу – остолбеней
и изумись хотя бы на мгновенье:
ведь может быть какой-то муравей –
не изучения просит – восхищенья!
И камешек в руке – не минерал,
а просто камень – твёрдый и тяжёлый.
Задуматься бы: что я потерял,
всё затвердив, всему обучен школой?
Нас равнодушьем отравил рассудок.
На землю лечь. Лицом упасть в траву!
О, в беге мыслей краткий промежуток,
немыслимая радость: я живу!

Ты вновь передо мной, Эвксинский понт.
Моя душа ушла за горизонт.
Она вольна. Я говорю ей: странствуй,
дыши хмельным играющим пространством.
Моя душа за горизонт ушла.
В волне плывет иль над волной летает.
Так далека она – не помнит зла!
Быть может, и меня – не вспоминает.
Куда-то зачарованно глядит,
к чему-то, мной не зримому, стремится.
Ей всё дано, ей целый мир открыт.
Она давно по бытию томится.
... Волной солёной даль и ширь, рифмуясь,
летят навстречу, счастьем обдают...
Душа моя, и ты живи, волнуясь,
свои порывы не считай за труд.
И через край переливайся, полнясь,
шуми, дерзай... Живи – и не ропщи.
Ты истину вмести в себя, опомнясь,
(и шепотом – сознанию сообщи)...
Ты здесь одновременно – и везде!
Слух истончи до самого предела –
чтоб та же музыка тобой владела,
что здесь звучит – и на другой звезде...

Хочу пошелестеть словами –
точь-в-точь как дерево листвою.
Впивая тишину – корнями,
стволом – небесный лад и строй.
И сам я – не расстрою лада.
И ветви взмах – оркестру знак!
Услышу музыку из сада
эдемского! Да будет так,
как в первый день. Ещё жива,
еще не вовсе позабыта,
всему живущему открыта
природы речь (что ей слова!).
И этой музыке внимая,
божественную ноту для,
забытых слов не понимая,
стою, листвою шевеля.
А если вдруг строка родится,
то рождена она не мной,
а мимо пролетевшей птицей,
землёю, ветром, тишиной...

Зачем стихи? Ведь нашей жизни проза –
не музыка, увы... Скорее – стон.
Поэт не слышит нашего вопроса.
Он ворожит – и сам заворожён.
В его строке – деревья, реки, птицы,
бегущие куда-то облака,
всё сущее – желает с далью слиться
и в этом мире быть наверняка.
И камень – твёрд. И древо – зеленеет.
Огонь – горяч. Любимый – божество.
Всё в мире – слово тайное имеет
и нам готово высказать его.
Что сказано – навеки остаётся.
Надёжно мир стоит – ведь Слово в нём.
... А мы-то, мы – почти канатоходцы,
шатаясь, балансируя, живём.
И то, что говорим друг другу – шатко.
«Всё в мире относительно!» – твердим.
Не осеняет разве нас догадка,
что жизнь без Слова – улетит, как дым?
Зачем поэт? Его строка – под током.
Коснись – забьёшься рыбой на песке,
забыв себя. И о разлуке с Богом
вдруг отчего-то вспомнишь ты в тоске.
И мир увидишь словно бы впервые.
Он говорит с тобой – ответь и ты!
... Вмиг позабудешь фразы бытовые
и рот откроешь в муке немоты.

Я – чучело, набитое трухой.
А был когда-то настоящим зверем.
Я – чучело. О, счёта нет потерям!
Пропала жизнь. Есть только прах сухой.
Я помню, как бежала кровь по жилам,
какой я издавал свирепый вой.
Но шкуру сняли – и проткнули шилом,
и снова сшили. Вот я – как живой.
Лишь видимость одна. Я б сшиб вас лапой,
я б испугал вас, я б загрыз, злодей,
поскольку не терплю породы слабой
охотящихся на зверей людей.
Вода в их жилах! Если мог бы встать я,
и очи бы мои зажглись огнём!
Они когда-то были наши братья.
И вся земля – была наш общий дом.
Вы предали природу! Вы её –
в себе убили! Разве в этом – разум?
Вокруг взглянули, говоря: моё!
Владея всем – всё губите вы разом.
Я – чучело. А вы – не чучела?
Где ваша жизнь? Есть только дело, дело...
Под вашей тонкой кожей – есть тела,
та плоть, что от желания запела?
Не лицемеря, не тая свою
земную жажду жизни. Одержима
простой, звериной, грубою – без грима,
великолепной страстью к бытию.
О, как я помню жизни трепетанье!
Да, я погиб – но пыл мой не погас,
его огонь пылает в мирозданье.
Я – чучело. Но я живее вас.

АВТОПОРТРЕТ В ОБНИМКУ С ЖИЗНЬЮ

Я в зеркало гляжу: лицо страдальца.
Как жаль себя! Мой друг, сложи три пальца
в известную фигуру. Дунь и плюнь!
Как молод ты – хотя и сед, как лунь.
Страдаешь ты. Но, милый – отчего?
Страдал бы от любви - всё было б лучше.
Как будто жизнь тебя лишь одного
обидела, лишь над тобою – тучи.
Извилину свихнувшуюся вправь.
Чем огорчён ты, на кого надулся?
Чтоб улыбнуться, девушку представь,
тебя целующую. Улыбнулся?
Влюбляйся в жизнь. Ведь Женщина она.
Рассердится – потом одарит лаской,
и будет вновь душа твоя хмельна,
за тюбики хватаясь с яркой краской.
Ах, лживы все на свете зеркала.
Рисуй автопортрет – в обнимку с Жизнью.
Одной рукой – её к себе притисни,
другою – кисть держи. И все дела.

*... Кто не пошел искать земной улады
Ни в плясках жриц, ни в оргиях менад,
Кто в чашу нег не выжал виноград...*

/Максимилиан Волошин/

ЮЛИЯ МЕЛЬНИК

Окно – это право на дождь, не проникший в твой дом,
На пряный глоток межсезонья, на горечь тумана...
Окно – значит можно оставить весь мир на потом,
С гортанной, смешной, незнакомою птицей взлетая...

Окно – это значит присесть у судьбы на краю
И носом уткнуться в расщелины дома напротив,
И знать, что всё близко, что ангелы не устают,
Что их золотые зонты не ветшают в полёте...

Окно – это право тугою антенной сквозить
Сквозь слухи и сплетни – в бессонную синюю влагу,
Где можно ладони разжать и о чём-то спросить,
Не строя солидных гримас. Не тревожа бумагу.

Глубиной тишины поверяй все слова и объятья,
Сколько летних миров бессловесно осело на платье...
Шелуха и пыльца, муравьиные лапки, ворсинки,
И пытаются что-то связать-досказать паутинки...

Не доказывай им ничего, пусть летит, как захочет,
Каждый блик, каждый вздох, пусть по горлу травинкой щекочет
И раскатом далёкой грозы, и слезою некстати...
Погляди, как летят... Не зови их к уму и расплате...

Им видней, им слышней... И тебя вслед за ними уносит
В пучеглазый стрекозий полёт, в светлогривую просинь...
Что найдёшь, то найдёшь... А ненужное – ветер просеет...
А неловко взлетишь – притяженье Земли, как спасенье...

Рыжий пёс нас увидит, как в старом кино:
Чёрно-белые лица плывут сквозь туман...
Ему собственный цвет разгадать не дано,
Ярко-рыжие пятна, привычные нам.

Кто-то в сердце плеснул семь ярчайших цветов,
Позабыв объяснить, что в оттенках – вся суть,
И по следу стремительных чёрных зрачков
Я пытаюсь в забытую тайну шагнуть...

Пёс увидит нас чёткими, полутона
Чуткий нюх не обманут, небросок и прост,
Он оставит разливы неточностей нам –
Свои рыжие пятна, как промельки звёзд

В летнем небе, а мы просто мимо пройдем
В чёрно-белом кино незнакомого пса -
Две фигуры под этим осенним дождём
То ли в сумрак квартир, то ли впрямь в небеса.

Орех уже в коричневых заплатах,
И горлица – на ветке сучковатой –
Зовёт по-птичьи друга своего...
Он прилетит – и горлица воскреснет,
И станет пряным яблоком воскресный
Сентябрьский день, и больше ничего
Не помешает – говорить на ветках
Двум нежным птицам с грустным человеком,
В котором бродит, как бездельник, чай...
Он сизых горлиц осыпает хлебом,
Как будто это приближает к небу,
Как будто небо – можно приручать...

Выпасть из времени... Видишь, у этого мига,
Словно в руках у ребёнка - раскрытая книга...
Буквы ещё неизвестны, движение краски
Там, за окном, и движение души без подсказки...

Выпасть из улицы этой, из этих прохожих,
Встретиться взглядом с летящим, другим, непохожим,
В нём задержаться мгновение, сбиться со счета,
Ткнуться усталой пчелою в забытые соты...

Выпасть из скрежета, грохота, выпадем вместе...
Если успеем, и если захочешь, и если
Веских причин не найдётся, и все обойдётся,
И в наказание по спинам метлой не пройдёт

Дворник сердитый, все звёзды сдувающий с крыши,
Выпадем в это неведение, выпадем, слышишь...

Море видно отсюда, как видно шершавую прозу...
Все его многоточья – расставлены с толком и просто...
Все в нём паузы – синие, все его возгласы – птичьи...
Ну а мы – если зримы ему – то не в лучшем обличьи...

Голоса – как в бидоне раствор неизвестного толка...
Только знанью камней и медуз, вездесущью ребёнка
Все дано прочитывать... Остальные – ладонью прихлопнут
Эти синие, яркие сны, эти лёгкие хлопья...

Море видно отсюда – с далёкой пустынной скамейки...
Принесу суету – сарафан на оторванной шлейке
И к ногам положу свою жизнь – чтоб оно пролистало
И вернуло меня – мне самой – всё, что мною осталось...

АНГЕЛ С САКСОФОНОМ

Я в кафе, где ангел с саксофоном
плеск прибоя проливает в чашки...
Крыльев и бровей изгиб солёный,
взгляд же удивительно домашний...
Все другие с трубами, а этот
там, на небе, видно, меланхолик.
Он скрипит протёртым табуретом,
палубой раскачивает столик.
А над чашками взлетают чайки...
Научится бы гадать на кофе...
Не меня ли ты хранишь случайно,
так по-детски изгибая брови?
Запредельным заливая шумом,
хрипловатым светом обжигая
сердце... То ли Моцарт, то ли Шуберт,
то ли просто волны набегают...
Кто-то на обычную пластинку
после эту музыку запишет,
мы же выйдем из кафе в обнимку,
ничего не видя и не слыша...

В меня слетелись голуби, шурша,
а это просто, не заметив луж,
стремилась на чуть слышный зов душа,
и встречный наш полёт был неуклюж.
Нас друг на друга натолкнул туман,
и показалось: дальше нет пути...
Несли мы, чуть сошедшие с ума,
без цели воркование в груди.
Друг с другом мы смахнули серость дня
и провалились в ветра решето...
Их кто-то звал, и кто-то звал меня,
я до сих пор не понимаю - кто...

ИРИНА ДЕЖЕВА

В КИОТО

В феврале форосского асфальта
Одессой эскизной семеня
Вопрощали
По мои костюмы солярные
Уже скупые цветные союзные тленности
Недокупленного небытия
По попыткам ославить
Тот бег промозглый
Металлическими пуговицами
Руки крохотные отбывал
Тени томящие
На па
Офицерский фокстрот офсетом
О разыгранных вербой в садиках ссадинках
Параджанов корсетным Крезом
Сияет боязно
Снится белено
Как всегда
То кентавр сходит с обоев
За душой и божницей места
Где случайно замолвила ужин
Я люблю тебя
Долгожданный отрывок фиесты
Отдышавшись сглотнуть бы
Теряюсь лопатками
В небе
Опять затяжные снега
Индевеют портовые стансы
Родовыми фонарными хлопоты звонаря
Сторонитесь лишнего, дружного
Прищепки - канатники
Кто отлистывал пряные домики

То вернуть не приходит с острова
Что нелепо во рту несла
Причитайте, я выверну кисти
И запахнет узут - страна
Дальний зев малоросской
гортанной
близкой
Цвета каменного крыла

Японская девочка спозаранку
Напьюсь в твоём эскимосском снегу
Гать. Слежались речные звёзды
В котомке распада
Бисером протуберанца
Рыбой в глазу
Окликнул на лики волчьи
С замкнутой грудью солнечный человек
Свидетель Китая с встроенной лодкой судий
Неизбежен как бубен
Стрижка зверя
Почти навек

Стынь зарослью
Ханаанский тростник
Здесь розги прелых теней
Городских
Кварталы кораллов гать голубых
Фижм – в ручной цветник
Троето-чьё? – вопрошал Давид
Не щадя рук, не ища лик
Был некий час садов отставшее узнать
На пациенте зова отроптать
Автопортрет трещотки робкой тесноты
Шероховатый паутиный пуск
Евангельской любви
Прибой побед
Из пылесоса в Космос сталь земли
Обетованный остров
Брелок-излучина
Сменился пост
У краешка души

Лотос высотой в смерть
Забывтые порты-морщины
В угол душ – ком - растрёпанная весть
Молоко серебром в спину
Петроград унятым чинством
Тушью водорослью тха
Полежали фарисеи –
Окотилася земля
Кислых радуг казначей
По бульвару пешеход
Чистотел потери дома
Частокол, подарок, сток
В устье высотойю в сердце
Вёдра белого дотемна
Детство заикающее деться
В пыльный шарфик
В никуда...

За пазухой фокуса Помпей
Нависало рыбе солнце
Причуды видео
В девственном одиночестве
Более ангелов и гостей нет
Наклон головы выдаёт юность
Сцепи смесь времени оркестровым, точечным
Не дели меня
Громом малиновым
Одеждой альтовой
Припорошены
Горды немного
Тетивою на свет...
Котами вербы прячем
Голода дуновения
Пристальнее совиных дней без дней
Ночи снимая
Неужели чохи терракотовое дупло
Сорвёт украшения Кокэль
Упадёт в обморок
На киселе пледом кадра отрывисто подражая
Ах, снимите
Я выросла чудом
Еле выдержав бисер прикармливая
На скользкой воде
Этот жест на октаву похожий
Томим, зовучий
Насовсем, недоверчиво, вне...
В пузырьке Ренессанса на пасту играю
Голубым островком зыбкости и казны
На жемчужинах лето виснет
Моллюсками, козырьками
Капают эпитимьи
Жалобами нарвала
Прикрывая кисти

Тылом лобного света
Иди

Прыжки в белый камень
Была звезда
Кочевала вальса отметиной
Прицел сник
Ловец жемчуга спал как Бог
Лик ждал конца – дикарь
Танцевал как тетерев
Звонарь, подышим руками
По сну разгулявшись, гнали
Остриженной серой стаей
Попыткой небес
Псы
Холодной заплатой ждущих
Инеем обжигая волка в лес
Пыл доживал тень
Циклон разлук покинул
Удил
Окраинные земли снегом
Фонтаны вниз и грузди куполов
На прелесть пепла выпали
Смолой наяд
Земля взошла
И где бы
Так выли радостно
Последний дождь-янтарь садится
Так родовито и смешно
И монастырские ресницы
В автобус, глобус, цитрус
Набрякли пылью солоницы
Весенних ангелов
Звонарь, последний листопад
Мы крошки
Горошья выцвели пути
И вето ржавых первоцветов
Проходит

И дрожки посулили гости-псы
В сестре сослалась серафимом
Играй
Иду к тебе
Одной дорожкой
Пока не выветрятся сны

Коли да
Коляда, матушка
Арбат в грозе молчаньем Ямакудзы
Я все века прийти к тебе
Сквозь феодалов, возродивших кузни
На пыльной штрассе
Дымкой винограда
Хотела, почести снеся
Последних в пагоде лучей
В приток вокзала
Столько времени - пороши затая...
Заплачут оба
Оборотни - графки
Ставки? замёрзнут
Ставки замолчат
Унылых пальцев клавиш
Севших алеутов ставни
Погонят втридорога, вплавь
Умрёт сонет
К себе
Конечно, можно
Какая вы выживет
Гуденье горла остывает
Пряный сет острожно
Под бескозыркою рассвет
На полудикие фонтаны
Ужели падает зима
Студёный кратер осторожных
Пугливых веток рыжий сон
Запуталась, запуталась
К тебе, конечно, можно
По ножнам льда на огонёк
По лентам пут неосторожно
Углом столкнулись спины!
И флейта капала на ветер

И дух гудел, как чугунок

Последний остров
Шаткости моей не веря
Скользит рождественским обрывком
Где бы двери
Под склерозный ветер перебрать
Чтоб оползти этрусскую царевной
От почестей оставив гладь
И мне сентябрь
Как иным припарка
Диаметр зажатых сушей капель
Разменных улиц будущей обвал
Своим молчаньем сымитируй камень
На тонкую строку
Простуженный финал
Так нужно и приятно таять
От Ваших меловых простраций
Снеся колени на железный мост
Но остров здесь
Крестовские палаццо
Как яви ждут
Мой поцелуй и пост
Иди же прочь
Подошв цветная латка
Вчерашним станет осторожный пепел
Подножный хор
И впадины в крови
И кто мой Вавилон
Желающий остатки
Тоски фамильной наблюдать с Земли
Межводный пыл
Я подарю тебе кавычки
И кротости, и мочи
И стрелы высокосья наконец- то спляшут
На любви последней танки
Потерь отпета лотерея

Православные привычки
Отымет дождь
Как пояс у цыганки
Там нет различья дна и темперированной жажды
Внеградусных верблюдов
Шарканья и бреда лезвий встреч
И профиль на беспамятстве морей
Как остров поскользнётся
Шаткости моей не веря дважды
И сливы падают
И как мне Коктебель

МИХАИЛ ФЛОРИЯ

кони, вставшие на дыбы, превращаются в статуи.
всадники, обхватившие мясом мясо потных боков превращаются в
идол.

камни, опрокинутые с гор, слагаются в храмы.
мёртвую голову полубога сбрасывают в золочёные рамы.

маршевые песни высушивают в гимны.

на слова и сны выдают рецепты.

оружие сильного - воля и смерть.

оружие слабого - слёзы и смерть.

империя: вёрсты, проверки...

проваливается время, как пол дряхлого дома.

сцеживают в вёдра кровь, поливают идолов,
и вином стекает она с пиршественных столов.

и отражаются золотом утвари

налитые кровью глаза мужчин...

успокой, Господи, души рабов твоих,

посланных и посылаемых на заклятие. Аминь.

тогда душа искала забытья
и всматриваясь в хаос мироздания
она выстраивала сон воспоминаний
цветные кубики послушное дитя

или нарушив вечный уговор
душа моя ты покидаешь тело?
которое и жить конечно не умело
и сонное ложится под топор

или прислушиваясь к музыке
что льёт капелью ниоткуда
ты жаждешь постижения и чуда
постижению и чуду вопреки

Я живу среди вещей, которые поглощают друг друга.
На матовой поверхности шкафа существует другое пространство,
где ваза и стакан воды нанизаны на угол
стены, а на ней - свой мир бедствий и странствий
ночной мошкары, комаров, залетевших на свет и на свежую кровь.
Здесь ряд случайностей превращает минуту в натянутый нерв,
по которому шествует череда надёжных слов
и на котором боги горшки обжигают в чреве
вечности. - Мы, любимая, раскрашиваем шершавую глину.
Загоняем предрешённость всего за иную черту отсчёта,
выпрямляя круг времени, расплетая нервы минут
и листов книги, что тяжелы как июньские соты.

Взрезали горло, вставили трубы органа.
Ты не слышишь: сердце твоё замолчало.
Язык затвердел кровавым кораллом.
Но помнишь ещё: «Осанна! Осанна!»
Оставьте его в доме надежды и страха,
облучённого полураспадом прозренья,
с медной глоткой свободного Гракха,
с памятью о пыльной любви учреждении.

Были дни как жевательная резинка,
а, впрочем, каждому - время по вкусу.
Сторожевые псы под сурдинку
дремали в скособоченных будках
и белые кости сверкали бусами
в когтистых лапах. Сутки
были безвестны как захолустные степи,
где стреляют крыльями куропатки
и соборным святым благолепием
воздух сияет, плавится он над дорогой,
и - Иисус - прижат на обе лопатки
Город, прикрытый тойгой
пыльного в дырах асфальта.
И всё говорило: мир нескончаем вовеки...

Если Город поднял сожжённые веки,
тело вознёс над сыпучей галькой
поймы в благословенное утро,
это не значит: мы восстали их пыли.

Это сдавила глотки боль воскресенья.
В белых рубашках стоим, и будто
мы не случайно сей мир посетили
в сладкую эру грехопаденья.

Вечерний свет свят и смят
и вывернут наизнанку.
И снег, и школьники на санках.
Свёрнутый в рулон закат.

Над этой пропастью времён
холодная звезда мерцает.
И иглы белые летают
и отражают белый звон

часов. Сверяют времена
на перекрёстках.
Пар дыханья
И вдоль дороги зданья -
как всадники на стременах.

Да мы ли тут погружены
То в шум толпы, то в ломкий шёпот,
когда на снег ложится копоть
Сгоревшей за день тишины?

Трётся сухая медь
часов... Или время - балерина в руках партнёра?
и музыка, музыка, жесты... Ведь
кто-то придумал всё это и надо играть,
чтоб было зачем, чтоб было чувство простора
и воли, всё - само по себе, над
безумьем махнуть в тартарары
навсегда...

Указующий перст
тем дороже, что можно на нём повеситься
в назиданье потомству иль из судьбы
выжать сок как из яблока, или на крест
натянуть чьё-то тело, как сырое бельё...

Лестница
для того и придумана - быть ближе к небу;
и не падать, а вразвалочку спускаться к земле:
на небе есть ангелы, но нет хлеба,
на земле есть хлеб и падшие ангелы.

Остальное - от лукавого, если тебе
не хочется с ним познакомиться, либо
гадать, что нас ждёт впереди?..

Занятие для неврастеников - слагать стихи,
словесные пряди срезать, безумию придавая причёску;
а затем, задрав головы, как петухи
на зарю орать или, хуже, в похлёбке вариться по праздникам,
когда эпоха пьяна в доску.

колючими пальцами подняли ветры тяжёлые веки зимы.
холодно, боязно, тошно, дико, дико на крае земли
закутавшись в шкуры бродит селенье, по рекам проходят волы,
чужие брюхатые хищные тучи гнездятся на гребне горы.
посланье друзьям. Разгорелись поленья, пляшет бог очага.
буквы на воске, слёзы на воске, из воска судьба.
мы грешные люди, простите, простите поэта на крае земли,
где Понта солёные руки качают над бездной тело луны,
где ночью, как волки, ходят по кругу огненноглазые сны.
Овидий, таблички, посланье жене и друзьям.
уходят волы по рекам навстречу колючим ветрам.

музыка от меня уходит - шляуха,
что не в силах ни любить, ни родить мне ребёнка -
в город, где в осени тонут дома, и в шляюпках
автобусов спасается тот, кто не спит,
сквозь сумерки, что как летучих мышей перепонки,
за которыми в эфире и мой ангел-хранитель.

заломить бы ей руки, лечь на дно:
там искрит чешуя золотых непойманных рыб.
о. я, зверь, подавлюсь твоей улыбкой кроткой,
пропаду среди каменных глыб.

я тебя догоню, ты меня, конечно, простишь.
кто же, кроме тебе, может так верить и прощать.
ты устала, любимая! я молчу, ты молчишь...
стоит первую песню спеть - как уже надо учиться умирать.

ИРИНА ДУБРОВСКАЯ

ВЕЧЕРНИЙ ЭКСПРОМТ

Какой-то причудливый вечер:
В сених притаился, как вор;
Заносит негромкие речи
В наш синий от сумерек двор

И дом обставляет свечами,
Убрав электрический визг.
За чашкою крепкого чая
Играет со звёздами в вист.

Ворует холодность дневную
И, в сердце вонзая иглу,
Так остро, так страшно волнует,
Что мы замирает в углу

И трогаем воздух губами,
Как будто бы жар у него.
И вот уже жаркие сами,
Не видим вокруг ничего...

СЛАВЯНСКАЯ РАПСОДИЯ

(Из «Киевской Тетради»)

Вдруг листопад сменился снегопадом –
Стоит в снегу мать русских городов.
И я стою – как преданное чадо,
Созревший плод родительских трудов.

Итак, по неотъемлемому праву,
Что любящим дает сама любовь,
В меня вложила древняя держава
Свой гордый дух и пламенную кровь.

Итак, я здесь, у стен твоих, София,
И русской речью молвить не боюсь:
Я помню дни, новейшая Россия,
Когда была ты Киевская Русь.

Как пела я, свободная славянка,
Своей земли законное дитя!
А нынче я в России иностранка
И в Украине будто бы в гостях...

Терзали землю войны и набегу,
Страшила сердце рабская судьба.
Но вот уж на дворе другие беды,
И надо победить в себе раба,

Чтоб Родину единую увидеть
В разрозненных упрямых племенах.
И никого при этом не обидеть,
И сохранить улыбку на губах...

Свершилось всё. О, киевское семя!
Твои ростки и вкривь пошли, и вкось.
Но здравствуй, наконец, младое племя,
Что из руин горящих поднялось.

Диковинное, странное, иное,
Зачатое в растленье смутных дней,
Ты отрицаешь юностью своей
Все старое, изжитое, больное.

Куда идешь? Увидишь ли во мгле
Грядущих судеб древние истоки?
Сумеешь ли вернуть родной земле
Творящие любовь живые соки?

Ответа нет. И только чистота
Старинных куполов дает надежду,
Что ты раскроешь сомкнутые вежды,
О Родина моя, моя мечта,

И поглядишь на все свои века
От сна освобожденным, ясным взглядом.
Не для того ль рождается строка
Под киевским осенним снегопадом?

Мы нервны, сумрачны, убоги.
Под спудом страхов и клише
Душа сжимается, и в Боге
Мы видим то, что есть в душе.
И, проклиная час рожденья,
Жуём со скрипом соль земли:
В её фатальном оскудении
Мы слаще яства не нашли.
Не веселимся – уж не те мы:
Чуть станут улицы темны –
Стремглав бежим в глухие стены,
Боясь и собственной спины.
А там – эфиром и экраном,
Как газом, дышим – и гниём
Во лжи, которая прибрала
И закопала нас живьём.
И ни во что уж мы не верим,
Потомство множим, не любя.
И жизнь сама уже – потеря:
Любви, Отечества, себя.

... Нова лишь форма, суть извечна –
Не изменяет нам закон:
Коль мастер есть, то дел заплечных,
Коль есть талант – твори тайком.
И возноси, и пресмыкайся,
А после – вдруг ударь в набат
И оглушительно раскайся
С кровавой пеной на губах.
И вновь юродствуй, бей баклуши,
С крестом за пазухой – греши.
А как спасти захочешь душу –
Так и своротит бес с души.
Мы вздорны, немощны и дики:
Одним подвластны небесам,

Всё ж ищем доброго владыки,
А злой уж нас находит сам.
Но, непостижны в каждом шаге,
Мы страшно светимся во мгле,
Как провода смертельной тяги,
Приговорённые к земле.

СВИДАНИЕ С ПЕТЕРБУРГОМ

Над головою - серая громада,
И от простуды чахнет царский двор.
В Санкт-Петербург, отстав от Ленинграда,
Я ухожу векам наперекор.
Пейзаж, портрет, фасад, кабриолет,
И эполет трагическая слава...
Я ухожу в декабрьский рассвет
Наперекор лучам его кровавым.

Я ухожу, ищи меня в Неве -
Морской мой дом мне нынче неуютен,
И скулы в Новодевичьей Москве
Сведёт мне после. Нынче - по погоде,
По северным угрюмым маякам
Я узнаю надменную Пальмиру,
И хода нет последующим векам,
Когда минувшим застлано полмира!

Переворот, державная игра,
Всяк интриган по моде европейской.
А здесь, на Мойке, - грация пера
И возмужанье юности лицейской.
И вся Россия съехалась на бал
К нему, как будто нет посмертной маски,
И не призвал любимца Ганнибал,
У трона фортель выкинув арапский.

Итак, я здесь, в опале у царей,
У первого из них средь невских фонарей,
Где сердцу не положено быть пылким,
Где стынет кровь, привыкшая бурлить,
И глаз в плену у пышной анфилады...
Я ухожу, и дай мне Бог продлить
Ухода час до встречи с Ленинградом.

ПОСЛЕСТРАСТИЕ

(Из цикла «Под Знаком Стихии»)

В монастырской ограде – дыра.
Донна Анна, молиться пора!

Незнакомец – антихрист, поди!
Донна Анна, не жжёт ли в груди?

На монашестве, кажется, крест?
Донна Анна, нехватка невест!

Поздний гость предвещает беду.
Донна Анна, Вы нынче в бреду!

Незнакомец, антихрист, наглец!
Донна Анна, Вы сплошь из сердец!

Водопад обжигающих струй, –
Донна Анна, – его поцелуй!

Райский сад – в монастырской глуши?
Донна Анна, Вы сплошь из души!

Как Вселенная радует глаз!
Донна Анна, ведь это для Вас!

Целомудренность чью-то дразня,
Донна Анна, Вы сплошь из огня!

Разгореться – и замертво пасть.
Донна Анна, карается страсть!

Командора заслуженный час!
Донна Анна, ведь это про Вас!

В разыгравшейся жизни – дыра?
Донна Анна, такая игра.

Незнакомец, возлюбленный – где?
Донна Анна, теперь-то – везде!

ПРОГУЛКА ПО ЯЛТЕ

(Из «Крымской Тетради»)

Жемчужиною Крыма
Мне трудно восхищаться:
Здесь столько шума, дыма,
Что нам не пообщаться.

Здесь столько блеска, треска, –
Коммерция, как вирус.
Из гавани одесской
Пришлю тебе папирус.

В нём изложу подробно
Душевные волнения.
А нынче неудобно –
Повсюду развлеченья.

Пляши под звуки лета,
Красавица-плясунья!
Прости, мне в тягость это
Курортное безумье.

Я лучше по морскому
По берегу пройду
И Чеховскому дому
Тихонько поклонюсь.

С рассветом багряным, с багровым закатом
Я в гору иду за далёким набатом.
Простившись с тобою, приют однодневный,
Бегу в бесприютность – морскою царевной,
Дриадою дикой, изменчивой тенью,
Себя ощущая то Божьей затеей,
То вихрем разбойным, то болью людскою...
Пройду человеком, останусь – строкою...

НАТАЛИЯ ТАРАНЕНКО

из цикла стихотворений
«ЗОЛОТОЕ РУНО»

МАРШ АРГОНАВТОВ

Сколько огненной силы во взлётах
Окрылённой любовью души!
Мы построим дворцы на болотах,
Возведём небоскрёбы в глуши,

Из подвала, из мрака и стужи
Мы пробьём себе к солнцу окно
И возьмёмся за грамоту ружей,
Если мирной стези не дано.

Пусть любовь не познает смирения,
Не унижится стон до мольбы,
Пусть забывшихся гнев провиденья
Обратит в соляные столбы.

Из порока, из праха и тлена
Мы взрастим золотое зерно,
Мы корридой придём на арену,
Если мирной игры не дано.

На октавах сменяющихся ливней,
На суровых аккордах труда
Мы исполним бессмертные гимны
И возвысим любви города.

Переливами солнечных радуг
Мы распишем судьбы полотно
И потребуем крылья в награду
За Души Золотое Руно!

ИКАР

Окружность. Радужный полёт.
Священный зов. Звонящий лёд.
Коснувшись золота высот,
Безумец крылья обожжёт.

Презрев смирения закон,
В простор орлиный взмлет он
И, светом солнца ослеплён,
Увидит невозможный сон.

Он небеса стрелой пронзит,
Как факел, вспыхнет – и горит,
Навек повержен и разбит,
Он землю кровью обагрит.

И огласит небесный хор
В бессмертной песне – приговор...
Восславит жертвенный костёр
Земли и неба вечный спор.

МАРГАРИТА. ОГНЕННЫЙ ВАЛЬС

1

Свою судьбу ломая и кляня,
Не стану жить чужим страстям в угоду,
Не сделаю наложницей свободу,
Не дам стреножить быстрого коня,

Не подчинюсь суровому персту,
Спелёнатую плоть распеленаю,
Возможность невозможного признаю,
Взмахну крылом – и ринусь в высоту!

Как Маргарита, с ветреной струёй
Сольюсь, сживусь, срастусь в свободном вихре!
Пока раскаты вальса не затихли,
Наполню душу огненной игрой!

2

Что же, прощай, моя грешная, горькая,
Птицей летящая зорька за зорькою,

Вальсом залитая, лёгкая, вздорная,
Тенью покрытая, тучам покорная,

Пьющая солнце губами бескровными,
Небу очами грозящая тёмными,

В дверь постучавшая гостьей непрошеной,
В землю упавшая спелой горошиной,

На перекрёстке страданий распятая,
Страшная, тесная, душная, клятая,

Тенью тоски по усмешке скользящая,
Злая, пропадающая жизнь *настоящая*.

Пропади ты пропадом, печаль!
Дай нажиться, надышаться вдоволь!
Не черни лазоревую даль,
Не томи мне сердца молодого!

Не стони надрывною струной
Там, где звонких зурн затихли звуки,
Не тревожь простора надо мной
Журавлиной песнею разлуки...

По росе, отрадою дыша,
Я бреду, светла и босонога.
Словно степь, распахнута душа,
И залита днём моя дорога.

Серебрятся крылья облаков.
Жизнь чиста, как белая страница.
Благодать молитвенных веков
Из разлива вечности струится.

Этих струй коснуться я хочу,
Ощущая в сердце их биенье!
Мякоть одуванчиков топчу
И в слезах шепчу: «Продлись, мгновенье...»

Для чего тревоги мишура
И слепая логика абсурда,
Если жизнь прекрасна и щедра,
Если в жизни просто всё и мудро?

Простота... Цветок ромашки –
Капля солнца и тепла, –
Белизна льняной рубашки,
Радость скромного стола...

Что есть горше и тоскливей
Стужи запертых дверей?
Жизнь чем проще, тем счастливей,
И тем ярче, чем добрей.

Пусть нарядами блистают
Те, кто сыт не по уму,
Пусть в лохмотья душ вплетают
Золотую бахрому.

Только нас прельстит едва ли
Вид лубочных образцов,
Мы в гостях уже бывали
У находчивых дельцов.

Нас встречали по одежке
И пытали, что почём,
Оставляли рожки-ножки,
Провожали нагишом.

Что ж! Надеждою слепую
Мёртвых – к жизни не вернёшь,
Под яичной скорлупою
Беззаботно не уснёшь,

Одиночные заплаты
Не покроют всех прорех...
Мы с тобою виноваты
Перед всеми и за всех.

Но наступит примиренье.
Боль утихнет. Бог простит.
Лучезарное мгновенье
Радость кроткую взрастит.

Простота... Святое слово...
В келье чисто и светло...
Жизнь осмыслена, и снова
В мир несёт душа тепло.

ВЕСЕННИЙ ЛЕС

Меня заждался лес. В забывчивом бреду
Он говорит со мной на мартовском наречье.
Тропой весенних грёз я к юности иду,
А хор души поёт и радуется встрече.

Ширь леса, неба ширь – слились на краткий миг
Магические грани древнего соседства...
Я к радости иду. Весна – мой проводник,
А цель моя – страна ромашкового детства.

Плывя наперекор течению реки,
Я разбивалась в кровь о жёсткие пороги.
А здесь – простор любви, и зори высоки,
И мысли – о душе, о вечности, о Боге.

Здесь – берег мой и дом, причал мой на земле.
Бессмертен леса дух. Светло его убранство.
Когда застынет боль смолою на стволе,
Откроет мне любовь законы постоянства...

Меня заждался лес. В забывчивом бреду
Он говорит со мной на мартовском наречье.
Тропой весенних грёз я к мудрости иду,
А хор души поёт и радуется встрече.

ЗИМНИЙ ОСТРОВ

Зимний остров. Благодать.
Белоснежная равнина
Посредине лужи синей,
В небе звёзд – не сосчитать.

Мне б на острове пожить!
Ветер веет здесь свободный
И достаточно холодный,
Чтобы пыл мой остудить.

Не страшна мне ветра плеть!
Пусть он выветрит мне душу,
Пусть он слёзы мне осушит,
Пусть заставит песни петь,

Пусть тревожит поутру,
И бодрит, и обжигает,
Пусть до смерти продолжает
Беспощадную игру!

Я за счастье и за грусть
Цену новую назначу,
И над каждой неудачей
Я смеяться научусь!

Из себя верёвки вить
Не позволю, не позволю!
Только волю, только волю
Стану в жизни я ценить!

Года тянулись, как века...
Но пусть усталость и тоска
Мне не туманят ясный взгляд:
Передо мной – цветущий сад
В тенистой зелени ветвей –
Бесценный клад души моей!
Был долог и тернист мой путь...
О, как хочу я отдохнуть,
В задумчивом саду моём
Забыться невесомым сном!
Но вновь преграда на пути –
Не знаю я, как в сад войти:
Мой дивный сад заморожен,
Стеной незримой окружен...
Я на цветы его смотрю
И с тихой грустью говорю:
“Я не могу прийти домой –
Ведь путь ещё не пройден мой...”
И вновь – рассвет и облака,
И жизнь – как горная река,
И я, одолевая грусть,
Брожу по свету и учусь
Ключи к загадкам подбирать
И сердцем – двери открывать.

МАРИЯ САВЧЕНКО

На веранде, возле моря,
ветер гнал страницы книги,
которую я читала
неторопливо,
оглядываясь на прорывы
белого солнца
сквозь журчащую серость неба.
Телефонный звонок отрезал
от источника –
вечной катушки волн.
Но отграничилось внутри
пространство
моно-безличное,
где вновь и вновь
раскачивается плетеное
кресло-качалка.
Взбрызнув песком,
я отдал незабвенным
воспоминанья,
чтоб не думать о том,
кто раскачивает
так настойчиво
кресло.

тяжелеет висок
отливается пуля
китайским фонариком взрыва
разметет конфетти
раскачиваясь на цыпочках
потайного паромы
приближается берег Другой
вырастая на ощупь в тумане

Не отлить колокол
В надтреснутый костер, —
Ветром сдвинуло кости,
Изломался рисунок праха, —
Не звенеть серебру
В пепельных сумерках.
Бумага стершит,
Оттиски запомнит
Наизусть. Пока
Не изорвут.
О, колокол, немел!
Онемел, громада,
Бедный, звучный.
Онемел, замолчал.
Глиняным швом
Протопчет рассвет
Путь на далекий восток,
Где цель — тишина.
Что ж плакать о голосе,
Что ж поминать немоту!
Платком шелковым завязав
Глаза, отряхнуть не могу
Наготу напрасную.
В сумерках праха
Не отличить от звезд,
Выменивая их
На вечность мерзлую.

Мир надут мармеладом.
На щеках
Искрится сахарок.
Продумывать не надо
Свой каждый шаг.
Подвесками на платье королевы
Искрятся тела твоего
Монументально позы.
Лепно!
Притрусь щекою я к бедру из олеандра,
Смешливых глаз лучинки
Пересчитаю волосами
И подожду я
Хохота каскадом,
Вакхически оглохну.
Притворю тебя мне незнакомцем,
Попугчиком случайным.
Да может он меня Речами
Обольщает? Нет, это ты,
С которым мы подушки обжигаем
Блаженною слюной,
После объятий крепких.

Когда мое тело собирается
В камень –
Колени ко лбу, спина в дугу,
Руки замком –
Я осуществляю так свой покой.
Там нет пространства, чтобы
Коснуться меня рукой.

У меня болит тело, а кажется –
Сердце,
Хотя все это всего лишь
Кусок мяса.
У меня закончились боеприпасы,
Я не хочу воевать.
Меня ждет кровать. Хоть она
Не имеет ко мне претензий.

Уже не плачу.
Уже как ножка стола, не покрытая лаком.
Метать дротики?
Мысли-гематомы, надо ждать,
Пока рассосутся.
Не думай, дура,
не трать силы на то,
чтобы оросить пустыню.

Установки = анахронизмы.
Полки бесплодны в своих
Попытках удержать первоцветы,
Как вода в одно и то же сито
Дважды не вольется.
Молча стой у колодца
И подсчитывай звезды.

Я юрта – сосуд с горлышком в небо,

Вокруг пасутся стада и много снега,
С камином-сердцем.
От одного завищу: нужны дрова,-
И высекаю искру.

Прощайте слова, улетайте.
Что ж вы не перелетные птицы,
Не переметлые листья!
Устала трава быть газоном.
Пустила кудри.

титры, бегущие строчки,
титры, закончился фильм,
я читаю
титры. Зависимость от
написанного
 сказанного
 завершенного
 слов совершенного

Я люблю один и тот же фильм
Без смены героев и зрителей
Мягкие кресла и вибрация света
Воспоминания лета
 Солнце как привычка
Зависимости от Золотого века
Нет
Победы уже свершены
 Не тут, а в Лете

Время рядом, дышит в ушко
Золотая игла пронзена нитью
Событий. Кто-то выключил свет?
Нет, завывает ветер.

научиться б вязать носки
и туда безделушки памяти
дарить крестики-нолики
бумаги в столики
разложить
 разжечь
 забыть
камин забить пеплом одним

петли – пороки.
стоять на пороге

и не решаться переступить
пропустить
хоть глоток
как слог
я читаю, читаю, читаю, -
Разложись, распрямись, вылей свет
Моих знаний о дне!

Свеча – это обещание;
Комода мерное звучание,
Закрываются глаза, хлопают ручки;
Невозможность чего-то без озвучки
Жить, чтобы не тужить.
Целительны чернила – пей захлеб
Ночь копыя наточила – в плен не берет
И упованье (как свеча) на черепаху-щит,
что глиною расшит.
Мой сон без сновидений.

Если вечер стрелою в вечность,
Если сузились плечи,
Ускользают сквозь пальцы речи,
Сквозь веки – молчанье.
Нацеди...

Если не запираешь вещи,
Может, вывяжут узор вещей.
Расставляя минуты по трещинам,
Воском их затоши.
Отойди...

Слышишь, тише стало время?
Очень бесшумно плачет,
Будто ноют колени...
Петлей бумеранга стая...
Накорми их.

ни слова правды,
ни строчки лести,
и делать вид, что знаешь,
когда устанешь.
Слепой, простуженный кофейник
Блестящ металлом.
На звук гитары не реагируют слова,
Да и не надо.
Вообще же хочется блевать,
Чтоб было плохо,
Чувствовать, что сейчас умрешь,
И засыпая,
Холодной каплей пота
Нырнуть в подушку,
Горы одеял и ворох пледов,
И в спутанной,
Изломанной кровати
Иссохнуть.

А утро будет тусклым
И чуть прохладным...
Нет, не хочу, ну уберите эту гадость.
Как это пошло – солнце, мысли, радость,
Селедка, борщ, поход в кино и –
вечером вино.
Уж лучше, кутаясь руками, как длинным шарфом,
с вуалью на глазах забраться на...
и броситься вниз тучными стадами капель,
и стать не слепленным еще ребром Адама,
когда слизнет прибором осколки храма.

ЯНА ПИЗИНЦАЛИ

КРАЙ СВЕТА

Тонкие залы, волнистые сны...
Ты меня за руки схватишь.
Чистые профили лунной казны
В первое утро истратишь.

Боже, подумай –
Без нас тишина
Сядет в углах паутиной.
Вспомни, нам нравился вид из окна
Общего сна без причины.

Росы – столетья и розы – часы,
Двери, слова, секунданты.
Розы – повесы и верные псы,
Ластящиеся к приманкам.

Видишь – повсюду, спеши не спеши,
Всюду накормлены нами.
Знаешь, мы знаем лишь в этой глуши
Всё, чего, в общем, не знаем.

Изгородь. Ветки. Фарфоровый лес
В каплях простого рассвета.
Длинных деревьев слепой интерес,
Кто мы и что нам за это.

АМФИБИЯ

От твоей красоты открываются жабры,
От твоей глухоты
Замирает луна.
Ты меня подсекал
Взаправдашной неправдой
В узкой проруби глаз,
Горьковатых до дна.

И шептали вздох
Океанские линзы
О невиданных нами
Горбатов морях.
И тебе так хотелось
Казаться счастливым,
Но наверное, ты
Не счастливей, чем я.

По горячим следам
Пробегут осьминоги
И прочтут наши надписи
В скользких сетях,
Под крючками, как прежде,
Упрямые щёки
И зелёное небо
В солёных глотках.

ЕЛЕНА

Древнегреческий остров
Обдаст нас горячечной дрёмой,
Поцелуем во вторник
И дрожью акаций в четверг.
На конвертах любви,
Хоть убей, не написано, кто мы,
И сиеста крадётся на нас,
Как диковинный зверь.
Напоённый луной,
Ты запросишь пятнадцать симфоний
За ничтожную ветошь
Моей осторожной души,
И окажется вечным
Ещё один, кто-нибудь кроме...
От которого ты попытался меня отучить.
И упавшим с небес,
Между нами протиснется море,
Упиваясь улыбкой упрямых
Мерцающих рыб,
И шершавые идолы
Вспыхнут бордовой росой,
Оставляя нам солнце
В изломах древесной коры.

PRIMAVERA

И только-то? Утро в дождливом июне
И ранние сполохи лип.
Галеры потопленных благоразумий
От самой забытой земли.

Баллады о счастье в цветочных корзинах
И сдержанный шепот смычков
О чайках с неспящими мачтами в спинах -
Аэдах морских городов.

Позволь говорить и смеяться, сирена,--
Не светом твоих маяков,--
Несбыточной вязью по мраморным стенам
Глубоких и хрупких дворцов.

Растрескана вечность и время капризно,
Но ветер ни в чем не солгал:
Вишневые косточки море разгрызло,
Где сад мой тебя познавал.

Где ты одинока, а я бесполезен
И глупо спасать тишину
От алых волос и задумчивых песен,
Посмевших уста шевельнуть.

Пусть эти глаза непосильного цвета
Малы для начала начал...
Став пеной морской, не забудь, Си-мо-нет-та,
Что я так тебя называл.

Плыву кораблем сквозь туманные скалы,
Почти не порвав паруса.
Скажи мне, в какую ты бездну упала,
Чтоб я до тебя поднялся?

КАКАЯ СТАРАЯ ОСЕНЬ

От листьев лимонного цвета
Пьяны небывалые сны.
Скажи, что ты хочешь за это,
Изгнанник прозрачной тюрьмы?

Я слишком спокойна, ты знаешь.
Я слишком возможна сейчас.
Ты скажешь: «Какая чудная...
Но эта мечта не про нас».

Застигнутый в полуулыбке,
Ты станешь меня уверять,
Что мы слишком строги и зыбки,
И это так просто понять.

И ты не пугаешься тени,
Что спит у тебя за спиной.
Ты просто внимательный гений
И тоже... немного чудной.

... И СНОВА АЛЛЕГРО

Ты в молоке зари. Ты плачешь.
Никто не смел. Никто не прав.
Мой золотоволосый мальчик -
Ты с гиацинтами в глазах.

Не две души, а два столетья.
Все трещины кариатид.
И нашей сказкой бредят дети
В сетях алмазного пути.

И наши древние портреты
В непоправимых письменах,
Где сквозь страницы - травы, ветры,
Медовый иней на щеках.

А лепестки волос курчавы
И как-то жаляще смешны.
Моя непрочная забава -
Что пальцы в них погружены.

И мне - колонны из ракушек,
Причалы ржавых якорей,
Морских коньков цветные души
И горсть солености твоей.

Ты в молоке зари. Ты смотришь
На перезрелый виноград.
И ты умеешь плакать молча
И улыбаться невпопад.

БАРОККО

В краснолистую осень
Уверуют наши колени.
Над кругами любви
Тайнодействуют вина волос.
В тёмно-русой крови
Деревянные бусы-мгновенья
Оплетут наши мифы,
Пропахшие мёдом насквозь.
Это наша Венеция.
Голая площадь Сан-Марко.
В длинных окнах встречаются лица
И сходят с ума.
Чёрно-белая ересь,
Застрявшая в розовых арках,
Продаёт нам задёшево
Наш драгоценный обман.
Из вчерашних дождей
Выдувают стеклянные пробки
И скучают по старым,
Стоящим на страже словам.
В краснолистую осень
Мы загнаны, как в мышеловку.
Нам осталось понять,
На какой стороне зимовать.

ПАРОЛЬ

В эти лёгкие строчки
Поселится синь.
Мы с тобой не добудем азарта
Перепрыгнуть сквозь осень,
Где нас откусил
Тишины переменчивый запах.

Наши старые сны,
Звон метафор шальных
По кольчуге влюблённого леса...
И так славно, что ты
Не похож на других,
Окольцованных в лунах и стрессах.

Мне полпочерка - всласть,
Коль без ягод пирог,
Разрисованный клеткой мигрени,
И легко разодрать
На гудки катеров
Застоявшийся шорох в коленях.

Подарить прямоту
За трёхмачтовый бриз
И шершавые палубы листьев
В том году,
Где какие-то мы родились,
Где зима нас связала на спицах.

По пути остановка
И та же игла,
На которой - всё та же планета.
В эти лёгкие строчки -
Полкапли стекла
И шарманку осеннего цвета.

*... Кто, как Орфей, нарушив все преграды,
Все ж не извел родную тень со дна,
Тому в любви не радость встреч дана...*

/Максимилиан Волошин/

АЛЁНА АРТЮШЕНКО

А я взорвусь тугим клубком,
Спалю седое небо.
Я слишком долго был глушцом,
И слишком долго не был.
Мою трезвеющую суть
Не пересилить страху –
Я припаду к тебе на грудь,
Идя к тебе на плаху.
Лишь ты – палач,
Лишь ты – мне свет,
И я, борясь и млея,
Всё так же громко крикну: «Нет!»,
«Да», прошептать не смея...

Разные разности, слабости,
Сладости с привкусом гадости,
Радости с прикусом старости,
Улыбка разбитых зеркал...

После прощения - мщение,
Глупое не-ощущение,
Новое непосещение,
Снов безразличный овал.

Если за выплеском разности
В новых обличиях властности,
Жалкою жаждою праздности, -
Прошлое хлынет из глаз, -

Тайной и скрытым движением
Горьким, смертельным скольжением
Станет моё отражение
Тому, кто придумывал нас...

Меняю кожу, сбрасываю маски,
За вождельем – отупляющая злость.
И за мгновеньем сладости и ласки, -
Сухих стихов застрянет в горле кость.
Непостоянства мчащиеся блики,
Неразрешимых истин переплёт,
Искусственные выходы и стыки, -
И выдоха придуманный полёт.
Стираю сны, размениваю будни
И окунаюсь в одурманенную суть.
Каким бы ни был ты безумно трудным, -
Я всё равно пройду тебя, мой Путь!

... Оттого, что в слишком нежных фразах
Ложь и фальшь острее и больней, -
Я в чужую жизнь вхожу не сразу, -
Я боюсь, - и дыма, и углей.
Оттого, что «завтра» - то, что было,
А «сегодня» - призрак в зеркалах, -
Жизнь – совсем не то, что я любила, -
Это просто выбор мой и страх...

СЕМЁН АБРАМОВИЧ

Моя беззвучная молитва
Гремит в безмолвии миров,
Живу, идя по краю бритвы,
Не сбросив судьбиных оков.
И ранит лезвия больше,
Стрела тупая грубых слов,
И каплет кровь, и я сильнее
Рву сталь цепей и мощь замков.

Не испытай высокомерия к минуте,
Не относись с пренебрежением к часам;
На каждом вираже, на каждом повороте,
Молись ниспосланным от Господа дарам.

Молись умению любить и быть любимым,
Молись умению терпеть и сострадать,
Молись умению прощать судьбой гонимым,
Молись умению не ползать, а летать.

А, если путь твой и тернист и труден,
Крестом твоим измучена спина,
Твоих проблем, пусть вес их многопуден,
Поверь, в песок рассыплется стена.

Люблю когда в конце апреля,
Весной пульсируя в ветвях,
Листва, пробившись, зеленея,
Играет в солнечных лучах.

Когда усыпаны деревья
Снежком белеющих цветков,
И солнце, теплотой лелея,
По жилам гонит сок ростков.

Когда из теплых стран далеких,
Вернувшись сотни птичьих стай,
Многоголосьем нот высоких,
С любовью встретят милый край.

Мне говорят,
Что от тюрьмы и от сумы
Страховки нет.
А есть ли от любви?
Я утверждаю - НЕТ.

ИННА БОГАЧИНСКАЯ

МАЛЕНЬКАЯ МОРСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Мы забредём в кафе на грани дрожи,
Я закажу горячий шоколад.
Ты, как всегда, пирожное предложишь,
Узнаешь, чем полны мои дела.
Потом попросишь написать о море.
А я вот – ни о чём не попрошу.
Но, даже если это не поможет,
Я всё равно о море напишу.
И зазвучат, как месса в си миноре,
Мои волной залитые тона.
Ты поалеешь, что просил о море,
Когда за душу вцепится волна.
И захлебнёшься от её надрыва,
От зова всех, запутавшихся в ней.
И не заметишь, что тебя покрыло
В такой же зазывающей волне.
Но это только вымысел – не больше,
Моя игра, не раскрывая карт.
Рефлекс ракушки. Магия прибоя.
А с остальным – повременим пока.
Но, растрепавшись амплитудой молний,
Всех тонущих внимая голосам,
Теперь ты просишь – только не о море,
О чём-нибудь спокойном написать.
Я соглашусь. Присев на подоконник,
Озябший допиваю шоколад
И написать пытаюсь о спокойном.
Но – извини: я о спокойном не смогла.

ПОКА Я НА ЗЕМЛЕ...

Пока я на Земле, для меня гастролируют птицы.
Заражают вокзалы. Твои руки врачуют теплом.
Пока я на Земле, мне ещё надлежит возвратиться
К возрождённым вулканам, от которых меня унесло.

Пока я на Земле, я хочу разминировать мысли
И металлом метафор украсить пролёты страниц,
Замирать в медитации, как прозревающий мистик,
И разлиться по миру, как высокогорный родник.

Пока я на Земле, не смогу по-лягушачьи хлопать,
Если кто-то в петле, пусть совсем на другом берегу.
Я на помощь рванусь даже в самой изодранной шляпке,
Даже если спасти в этот раз я уже не смогу.

Пока я на Земле, прокажённым пожертвую кожу.
Обречённых утешу. Отвергнутых в душу приму.
Я не знаю, насколько я здесь задержусь и когда меня скосит,
Но пока – просто так не позволю пропасть никому.

Пока я на Земле, для меня продолжают съёмки,
Где мне выдана свыше не слишком заметная роль –
Вырваться из беды неприкаянных и неуёмных,
Чтоб никто не сломался и других не сумел распороть.

Чтоб коснуться сердец, где свирепствуют страхи и стужи,
И бездомных укрыть, и отчаявшихся пожалеть.
Заменишь батареи во взглядах и душах потухших,
Пока я мимолётно ступаю по этой Земле...

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛЕНКО

НА КИНБУРНСКОЙ КОСЕ

В терпких водах лимана купается солнце,
Чайки вспышками магия застят глаза,
И горят чешуи золотые червонцы
В тёмной роще, где к небу взметнулась лоза.

Ветер моря и ветер степного простора
Над полоскою суши по-братски сошлись.
В это время душа, очищаясь от сора,
Принимает и славит, и празднует жизнь.

Пахнет «лидией», рыбой, увядшей травой,
Воздух влажный пьянит и тревожит меня.
Жёсткий полог ветвей, как окошко, открою
В необъятную ширь просветлённого дня.

Но гряда облаков горизонт увенчала,
Перелётная стая упала на плес.
Обнажились в природе концы и начала –
Что-то кончилось, что-то уже началось!

СТАРЫЙ ГОРОД

Сколько ног прошагало по улочкам этим,
Сколько жизней ушло и воды утекло,
Сколько раз на церквах зажигали рассветы
Купола золотые, а в окна – стекло!
Уходили одни, но являлись другие –
И свои, и чужие, и снова свои,
Даже трудно представить их лица худые
И глаза бирюзовые в недрах земли.
Проносились столетья, сменялись эпохи
Город выстоял, выжил и будет стоять.
И камней раздаются усталые вздохи:
Рассказать бы хотели, и есть что сказать!
И вгрызается в грунт молодой археолог,
В чернозём и суглинок, как в толщу времён,
Из земли достаёт неприметный осколок,
Что сверкает в руке, как алмаз, огранён!
И смывает он кисточкой грязь наслоений,
В лупу смотрит и тряпочкой трёт,
А под выпуклой линзой, как в дымке осенней –
Древний город славянский, и враг у ворот.

САД ОСЕНИ

За тихим скрежетом калитки
В разъятом осенью саду
Листвы пергаментные свитки
И к месту и ещё в ладу
И с этим садом, и с тобою
Таким живым и молодым,
Что всё, не ставшее судьбою,
Сотрёшь движением одним,
Сотрёшь – и вряд ли пожалеешь,
Сотрёшь – и сочинишь опять
Лишь потому, что так умеешь –
Легко стирать и сочинять,
А чей-то запоздалый возглас
Зачем-то хочет убедить,
Что зрелости опасен возраст
И надо медленно спешить, -
Когда вполне переносима
Тобой трагичность бытия,
Как яблоней, почти незрима,
Дыра от ржавого гвоздя
В саду, открывшему для взгляда
Пространств зиянье меж стволов, -
Вокруг следы полураспада
И – никаких других следов!

Жестоки нравы варварских эпох:
Вожди и племенные их союзы, -
Такой вокруг стоял переполох,
И головы катились, как арбузы!
Но от гвоздей остался только прах,
Его развеял ветер, смыли грозы,
На долгих человеческих путях
Они видны не более занозы.
И вот мы докопались до причин
И следствий их величия и славы,
До подоплёки сумрачных кончин,
Раздела денег, власти и державы!
Не зря в степных курганах черепа
Ещё сквозными дырами зияют,
Как будто этим хитрая судьба
Пугает нас или предупреждает!
Те времена ушли навечно в грунт,
В пески, на глубину захоронений,
Их Каменные Бабы стерегут,
Войдя по пояс в заросли растений.
В степи без воина и без коня
Зачем они застыли на распутье,
Молчанье первобытное храня,
Былых времён свидетели и судьбы?
Не может быть, чтоб только – охранять,
На горизонте глыбами маяча,
С сосцов росу на ковыли ронять,
Для пешехода ничего не знача!

НОЧНАЯ ВАХТА

Опять упала ночь
На жечь и шифер кровель.
В дремоте замерли одесские порты.
Зажгли маяк, а с ним луна лучится вровень,
И камни отдают тепло дневной жары.
Но так волнуется у ног волна прилива,
Так жизнь торопится и такелаж скрипит!
И мудрено ли мне в объятиях залива
Соединить в одно и битие и быт?!
Соединить, своим желаниям в угоду,
В непросвещённом сердце раздувая жар, -
Как плюс и минус, как огонь и воду,
Или звезду и керосиновый фонарь!
Миры и море только есть на этом свете.
Ушло, пропали ощущение земли.
Не оттого ли так при мягком лунном свете
Дрожат всем телом, как живые,
Корабли?..

Нести века в себе – такая мука,
Как и вдыхать разреженный озон!
Ты, дилетант в искусствах и науках,
Себя считаешь мудрецом, а он...
Из лыка ловко смастерил обувку,
Из тонкой ветки вырезал свирель
И, начертав на древесине буквы,
Письмо послал за тридцать земель.
А, может быть, за тридцать созвездий –
Вперёд, на шестикрылом корабле,
В туманность угасающих столетий
И долго ждал ответа на земле.
Не зря же ты, его прямой потомок,
Как он голубоглаз и светлорус,
Не вслух читая звёздный многотомник,
Веков прошедших ощущаешь груз.

КРАСНАЯ ОСЕНЬ

Нирвана. Без четверти восемь.
И с четвертью красная осень,
Собравшая фрукты в садах,
Залившая мир купоросом
И охрой в отдельных местах.

Как женщина в яркой мантилье,
Влюбленная в пахаря или
В садовника, снявшего плод,
Мечтает, чтоб душу любили —
Не только ядреную плоть.

Заметив свое увяданье,
С тревогой идет на свиданье,
Сияя румянами щек,
Несет, как предмет для гаданья,
Последний прощальный цветок.

И сам, испытав одинокость,
Приму этой осени кротость,
Желанье понравиться всем
С опаской нарваться на колкость,
И белую грусть хризантем.

ПОКА МЫ ЖИВЫЕ

Дважды сходятся стрелки часов роковые:
Между первым – благим и проклятым – вторым
Нам отпущены жизнью круги годовые,
По которым упрямо дороги торим.

И пока мы живые, пока молодые
Мы попытку, как пытку, опять повторим,
Чтоб звенели струной наши нервы стальные
Между первым – благим и проклятым – вторым!

Тот, проклятый – второй никого не обманет:
Как планету с планетой сведут небеса –
Стрелка за спину стрелке безропотно станет! –

И кому-то ладонью прикроют глаза,
И, сорвавшись, звезда в подорожники канет,
Но на смену другая взойдёт, как слеза.

АЛЕКСЕЙ БОГАТЫРЁВ

Парадоксальный Кроссворд
«Анализ Отстранённости»

*Оборвало время душу
Клинок над Вечностью висит.
И на пороге – Вечный Жид.*

Опавшие лепестки тюльпана пронзили Вечность стебельком.

Я так настрадался, что стал Нострадамусом.

Когда открывается всё, то нет тебя.

А теперь представь, что ты это не ты, а не ты – это ты
одновременно.

Дарю тебе ключи – на выход и на вход.

Твое разочарование – последняя иллюзия, с которой ты расстался.

Задача беса – чтобы ты ощущал собой при помощи кого-то.

Быть или не быть вопроса нет – ты есть, пока ты есть.

Какая странность... Это Я тоскует от чего-то.

Птичка–ветер, птичка-вечер, птичка - птичкой улетел.

Обрубки мёртвых звёзд светили над душою.

Вдыхаю свежий ветер снов и грёз, и пахнет иллюзорным вдохновением.

Я обманывало живущее в нём вдохновение.

Чёрные Маги придумали День Неизвестности: и назвали его Днём Смерти.

Бог дал всё. А Чёрные Маги пытаются всё отобрать, привязывая Ничего к Чему-то.

Сквозь плетение веток Я видит кружева на небе.

Из снов вечерних платье звёзд зияет пустотою. Одень из снов
вечерних платье звёзд!

Небесная ласточка, вейся перед дождём – омовение моего
изгнания.

Принцип подаяния: всегда прошу, и подают не мне.

Свобода – то, что никогда чужой свободе не несёт вреда.

Куд-кудахталась пылью дорога. Сномертились поля. Разверзлись в
него тополя непроходимую судьбою.

И кровь – бегущая река,
То замкнута, то в никуда.
Кузнечик ножками читает,
Возможно – Книгу Бытия.

ВАДИМ ГРИНБЕРГ

РОЛЛС-РОЙС И ЛЕБЕДЬ

Вблизи от чопорных
и значных мест
есть озерцо
для лебединой пары –
одной непотопляемой Любви.
И всех Роллс-Ройсов лаковые фары
не могут грациозность превзойти
птиц царственных осанки величавой.
В скольжении безмолвном, чуть заметном,
магнитной нежностью друг дружку окружив,
они развенчивают своей птичьей верностью
всю фальшь владельцев дорогих машин.
Над сине-чёрным дном
шей длинных отражение,
как сказочный цветок,
таящийся на дне,
и мистикой немого окружения
всё зачаровано во мне.
... И снова шум и свет;
кичливость богачей;
опять Роллс-Ройсов длинные шеренги;
но святость чувства пары лебедей
им не купить ни за какие деньги.

ЗАКОН ТВОРЕНИЯ

Любовь и трепет, и угар,
и неведение, и посланье,
неугасаемый пожар,
и ледяной тоски дыханье.
Любовь, как полюсная ось,
она сожжёт и заморозит,
пронизывая мир насквозь,
повелевает, но не просит.
Любовь и жертвенник, и маг,
и узник, и палач под маской.
Ей ведомы всей жизни сказки,
перед ней в любых одеждах — наг.
Сметёт покров любой брони
и электронные укрепления...
Перед ней бессильны и поэты,
и меркантильные умы.
Вселенский истинный охват,
исток рожденья и нетленья,
возвышенный закон творенья —
ради любви был Бог распят.

ВСЕГО ВАЖНЕЙ

- Что я могу?

Порой рождать стихи;
иль кистью соблюдать гармонию соцветий.
В душе хранить немеркнувшей мечту
и пронести её сквозь годы, сквозь столетия.

- Что я могу?

Устроиться и ждать;
коварно обмануть, в лицо елебно глядя;
за паствою идти; просящему не дать;
где выгодно – смолчать, где выгодно – подгадить.

- Что я прошу?

Всего лишь: не предать;
любить таким, как есть;
не променять на лишку;
простить, когда не прав;
под вишней схоронить,
мною дерево взрастить,
срубить и сделать скрипку!

- Что я приму?

Что ниспошлёт Господь!
В судьбе поднаторел в различных невезеньях.
Приму изгнанья рок, непризнанность, гоненья...
Одно лишь не приму – моей любви забвенья!

Могу перечислять:

хотелось бы... мечтаю... вот если бы...
а вдруг... случайно... невпопад...
везёт лишь дуракам, кто этого не знает?
И ни к чему мне то, чем радостен дурак...

Но вот всего важней!

Коль в жизнь опять вернусь,

опять в начале мая в грядущие века...
Опять поэтом стать!
Во множестве земном стихотворенье это
найти, прочесть, узнать...
и власть переписать!

ЖИЗНЬ НАБИРАЕТ НАС В ВОЙСКА

Жизнь набирает нас в войска.
Рожденье – первый бой.
И первый крик – «Победа!»
всегда звенит у матери в висках,
Рост нам даётся как война,
где перемирие редко.
К расцвету собраны войска,
укреплены заметно.
К закату смерть берёт нас в плен
и держит очень крепко.
Но побеждает жизнь опять.
Опять рожденье испытать,
нам снова суждено кричать,
опять победу возвещать,
в висках её запечатлять... и жить,
а значит – воевать!
Себя судьбою воспитать,
рожденье смертью не считать, -
опять родится каждый...
И только Бог
рождён однажды!

ЛЮДМИЛА ШАРГА

Были и ваши Пегасы мустангами,
Неудержимо неслись они вскачь,
Вы ж в соответствии с чином и рангами
Их превратили в заезженных кляч.

Трусостью ваши Пегасы стреножены,
Кормятся старым прогорклым зерном,
Ходят гуськом по тропинкам искоженным
И о Парнасе забыли давно.

Видимо, слово какое-то тайное
Вложено было упешдшим в уста;
Конь вороной покорялся Цветаевой,
С розовогривым Есенин летал.

И проносились с серебряным цокотом,
В душах святой возжигая огонь,
Золотогривый строптивец Высоцкого
И белогривый Ахматовой конь.

Кони кормились их зёрнами истины
И из Кастальского пили ключа,
Видимо, Словом владели таинственным
Те, чья строка до сих пор горяча.

И не прельщаясь чинами и рангами,
Лихо пускали коней своих вскачь,
Вот и летят их Пегасы мустангами,
Над вереницей заезженных кляч.

Я родом из царства туманных лощин,
Из тихой обители алых рябин.
Прошло босоногое детство моё
Долиной, где иволга песню поёт.
Здесь травы влажны и прохладны от рос
Взрастают в тени белокурых берёз.
По тропкам заветным брожу босиком,
Где каждый росток был когда – то знаком!
Устав от дорог, припадаю к ручью,
Пью жадно священную влагу твою!
Земля моя милая! Свет тишины
Здесь часто темнеет от эха войны.
Но сосны взметнули стволы до небес,
На гари, где плакал обугленный лес.
Лежат убиенные витязи тут:
Недаром селение Красным зовут.
Здесь сердце навеки осталось моё,
Здесь иволга песню так звонко поёт...

Странные дела творятся, милый,
В нашем королевстве тридевятом,
Я понять пытаюсь, что есть силы,
Что произошло, но – непонятно.

Странные дела, мой друг, творятся,
Каждый день разборки из-за трона,
А в углу обиженно пылятся
Нами позабытые короны.

Книги – наши верные вассалы.
Кошки – наша преданная челядь.
Раньше их присутствие спасало,
А теперь дела совсем плачевны.

Маленькое наше королевство
Ждёт, когда мы вспомним о коронах;
Никуда нам из него не деться –
Подрастает принц наш чистокровный.

Может, утрясётся понемножку,
Заживём в согласии и в мире,
Хочешь, я сварю тебе картошку?
Нашу. Королевскую. В мундире.

КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ

Купальской ночи звёздная купель
Меня в своём безмолвии купала,
Когда по тайным тропам я ступала;
О них пропел мне златокудрый Лель.

Венок, сплетённый ночью колдовской,
В струящееся лоно погружая,
Судьбу свою течению вверяя,
Стояла я над тёмною рекой.

Разрыв-траву вплела я в свой венок
И сон-траву – владычицу пророчеств,
И перелёт-травы прощальный росчерк
Звездой упавшей догорал у ног.

А златокудрый пел : «Поторопись.
Уже давно очерчен круг заветный.
Сорви Перунов цвет и до рассвета,
Не обернувшись, с ним домой вернись.

Ты станешь прозорлива и мудра,
И беспристрастно будешь «в нави зрети».
Поторопись, уже проснулся ветер,
Сорвать Перунов цвет пришла пора».

А что потом? Безрадостные дни.
Отравленные ожиданьем ночи,
Как подтверждение собственных пророчеств –
Вся жизнь моя. Лишь руку протяни...
Умолкни, златокудрый, не мани!

Нет смысла жить, коль сразу всё познав,
На все вопросы я найду ответы.
И я ушла, покинув круг заветный,
Цветок Перуна так и не сорвав...

Как неожиданно приходит осень,
Посмеиваясь над притихшим летом...
Как много мы порой у жизни просим,
Не думая, чем воздадим за это.

После хмельного летнего веселья
Нас отрезвят рябиновые ночи,
И горечь неотступного похмелья
Настигнет нас в долине одиночеств.

И мы, обиды ближнему прощая,
Вдруг понимаем, что такое «поздно»,
И о душе нетленной вспоминаем,
Считая дни, как золото, скрупулёзно.

И позабыв о дряхлом, брэнном теле,
Осознаём, хоть нелегко прозреньё,
Что жизнь прошла не так, как мы хотели,
И шансов нет, увы, на возрожденье.

И отразятся в зеркалах усталых
Пороками изрезанные лица...
Нет ценности другой для нас, пожалуй,
Чем к Свету и Добру всю жизнь стремиться.

МАРГАРИТАМ...

*...Невидима! Невидима и свободна!
... Рукописи не горят!*

М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»

А Маргариты и средь нас живут,
Подчас, скрываясь в женщинах обычных,
Их не сломил рутинный быт привычный,
Не погубили сытость и уют.

Порой у них иные имена,
И не в Москве – в провинциях забытых,
Томятся в ожиданье Маргариты,
Когда их позовёт в полёт луна.

Когда весною, в месяце нисан,
Неудержимо их к себе поманит
Путь лунный, серебрящийся в тумане,
К свободе уводящий, к небесам...

Вступая в сделку – только б помогли,
Хоть с дьяволом, хоть с чёртом – с кем угодно,
Невидима, - воскликнут и – свободна!
Лишь только б Мастера творить могли.

Да что там дьявольщина, что там ад –
С самой судьбой вступить готовы в битву...
Пока летят к любимым Маргариты,
То рукописи – верю – не горят!

АВТОРЫ СБОРНИКА

1. **Семён Абрамович.** 1950 г.р. Поэт. Лауреат Международной литературной премии «Американского радио» (2006, Нью-Йорк). Публикации: альманах «Южный Город» (№ 6-10), коллективный поэтический сборник «Звезды Южного Города» (2006). Автор сборника стихов «Ступени Лестницы Моей» (2007).
2. **Станислав Айдинян.** 1958 г.р. Поэт, прозаик, журналист, художественный критик, редактор и литературный секретарь Анастасии Цветаевой (1984-93 гг.). Член Союза российских писателей (с 2002 г.). Член ученого совета Литературно-художественного музея М. и А. Цветаевых. Вице-президент Российско-итальянской Академии Феррони, аркадской академии художественного творчества и импровизации. Официальный искусствовед Федерации Акваживописи Международного художественного фонда. Директор культурных программ «Спейс». Составитель и редактор литературно-художественной антологии «Меценат и Мир. Одесские страницы» (вып. 1 – 4, 2003 – 2007). Публикации: альманах «Межвековье», (1999, Санкт-Петербург), «Равноденствия» (2002, Санкт-Петербург), «Дерибасовская угол Риппельевской» (2001), «Путь к Арарату» (2005, Москва), «ОМК» (2004, 2007) и др. Автор книг: «Малый жанр Агаси Айвазяна» (1988), «Константин Бальмонт: в ореоле памяти» (2005), «117 мыслей, афоризмов, вопросов и парадоксов» (2006); художественной прозы – «Подслушанный Фауст» (1993); «Атлантический Перстень» (1994); сборников стихов «Скаль» (1995), «С Душой Побывать Наедине» (2002), «Химерион» (2003).
3. **Алёна Артюшенко.** 1977 г.р. Поэт, прозаик. Публикации: интернет-журнал «Пролог».
4. **Алексей Богатырёв.** 1962 г.р. Художник, поэт-парадоксалист, ученик Валентина Хруща. В прошлом спортсмен-волейболист. Публикации: поэзия – «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (№ 3, 2005), живопись – «Новая Деревня» (№4, 2006) и др. Как художник, провёл ряд персональных вернисажей в Одессе и Москве.

5. **Инна Богачинская.** Поэт, прозаик, переводчик. Лауреат Международного фестиваля русского искусства в Чикаго (1991). Звание Поэта года в Нью-Йорке (1991). Вела на русском радио литературную программу «Свеча горела на столе» (Нью-Йорк). Устроитель поэтических выступлений Андрея Вознесенского в США. Живёт и работает в Нью-Йорке. Автор сборников стихов: «Стихия», «Подтексты», «В Четвёртом Измерении» (1993), «Перевод с Космического» (1999), «Репортаж из Параллельного Мира» (2007).

6. **Сергей Главацкий.** 1983 г.р. Поэт, автор пьес, музыкант. Председатель Южнорусского Союза Писателей и Одесского отделения Конгресса литераторов Украины. Дипломант конкурса муниципальной литературной премии им. К. Паустовского (2007), лауреат Всеукраинской литературной премии им. М. Матусовского (2008). Публикации: антология «Украина. Русская Поэзия. XX век» (2008, Киев), альманах «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (№ 2, 2004, Москва), «ОМК» (2004, 2005, 2006, 2007), «Ковчег» (2007, Житомир), «Ан Т-Р-Акт» (2008, Херсон), «Свой Вариант» (2008, Луганск), газета «Отражение» (2005, Донецк), журнал «Юность» (2004, Москва), «Ренессанс» (2004 – 2007, Киев), «Джерело» (2007), интернет-журналы «Пролог», «Новая Литература» и др. Автор сборника стихов «Неоновые Пожары» (2006), книги драматургии «Апокалипсис Улыбки Джоконды» (2008), аудио-альбома «На Восток от Полярного Круга» (2007).

7. **Вадим Гринберг.** 1947 г.р. Поэт. Основатель современного художественно-авангардного течения Vatchart, автор и организатор большого количества персональных художественных выставок в Европе и США. Публикации: альманах «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (№ 1, 2003, Москва). Автор сборников стихов: «Вам Дам» (2002), «Вам Дам» (2003, дополненное).

8. **Ирина Дубровская.** 1965 г.р. Поэт. Член Союза писателей России (с 1997 г.). Публикации: альманах «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (№ 3, 2005, Москва). Автор сборников стихов: «Под Знаком Стихии» (1991, Москва), «Страна Души» (1996), «Круги Жизни» (1997), «Песни Конца и Начала» (2000), «Постигая Любовь» (2002), «Преображение» (2004), «Право Голоса» (2006).

9. **Ирина Дежева.** 1976 г.р. Поэт. 2-е место в Международном литературном конкурсе «Русская Премия» (2007). Публикации: антология «Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России» (Москва, 2004), альманах «ОМК» (2005, 2006, 2007), «Свой Вариант» (2008, Луганск), журнал «Ренессанс» (2004, 2007, Киев), «Джерело» (2007). Автор сборника стихов «Поцелуй в Хрустальном Саквояже» (2005).
10. **Евгения Красноярова.** 1981 г.р. Поэт, автор пьес. Публикации: альманах «ОМК» (2004, 2005, 2006, 2007), «Ан Т-Р-Акт» (2008, Херсон), «Свой Вариант» (2008, Луганск), «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (№ 5, 2008, Москва), журнал «Юность» (2004), «Ренессанс» (2004, 2006, 2007, Киев), «Джерело» (2007), интернет-журнал «Пролог» и др. Автор книги драматургии «Апокалипсис Улыбки Джоконды» (2008).
11. **Сергей Нежинский.** 1980 г.р. Поэт, прозаик. Публикации: альманах «ОМК» (2005, 2006, 2007), журнал «Ренессанс» (2004, 2007, Киев), «Джерело» (2007), коллективный поэтический сборник «Зеркало Моря», интернет-журналы «Пролог», «Новая Литература» и др.
12. **Галина Маркелова.** 1943 г.р. Поэт. Дипломант конкурса муниципальной литературной премии им. К. Паустовского (2006), 2-е место в литературном конкурсе «Серебряные Трубы» (2008, Одесса). Публикации: «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (№ 2, 2004, Москва), «Октябрь» (2005, одесский номер), «Дерибасовская угол Ришельевской» (2000, 2004, 2006), «Свой Вариант» (2008, Луганск). Автор сборников стихов: «Прощание с Овидием» (2000), «За Обладание Звуком» (2000), «Ave Utamaro» (2000), «Приглашение к Танцу» (2003), «Отзвуки Лета» (2005), «Картавые Кораллы» (2007).
13. **Юлия Мельник.** 1975 г.р. Поэт. Публикации: альманах «Звукоряд» (2004, 2005), «ОМК» (2002, 2004, 2005, 2006, 2007), «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (№ 3, 2005, Москва), «Дерибасовская угол Ришельевской» (2006), «Ковчег» (2007, Житомир), «Свой Вариант» (2008, Луганск), журнал «Октябрь» (2005, одесский номер), интернет-журнал «Пролог». Автор сборников стихов: «Звонкие Акварели» (2000), «Ангел с Саксофоном» (2004).

14. **Анатолий Михайленко.** 1947 г.р. Поэт, журналист. Сотрудник газ. «Одесские известия». Лауреат муниципальной литературной премии им. К. Паустовского (2003). Публикации: еженедельник «Самоди неплам» (Венгрия), журнал «Радуга» (Киев), коллективные поэтические сборники «Парус», «Мы перед Миром не в Долгу», «Роза для Любимой», «Встреча». Автор сборников стихов: «Волчья Ягода» (1997), «Amor fati» (2000), «Попытка Побега» (2003), «По Слогу, по Слову, по Строчке» (2004).

15. **Игорь Павлов.** 1931 г.р. Поэт, прозаик, автор уникального автоэпистолярного жанра – писем к воображаемым девушкам и дамам. Первое место в сетевом конкурсе «Сетевой Дюк» (категория «Поэзия», 2000). Публикации: альманах «Меценат и Мир. Одесские страницы» (№ 1, 2003, Москва), «Дерибасовская угол Ришельевской» (2003), «Свой Вариант» (2008, Луганск), «Крещатику» (2004, Германия), журнал «Арион» (2000), «Октябрь» (2005, одесский номер), коллективный поэтический сборник «Расслабленная Речь» (1998, Нью-Йорк). Автор сборников стихов: «Избранное» (2001), «Ещё избранное» (2003).

16. **Юлия Петрусевичюте.** 1969 г.р. Поэт, художник. Публикации: альманах «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (2004, Москва), «ОМК» (2004, 2005, 2006, 2007), «Ковчег» (2007, Житомир), «Свой Вариант» (2008, Луганск), журнал «Ренессанс» (2004, 2007, Киев), «Октябрь» (2005), «Джерело» (2007). Автор сборника стихов «Киммерийская Лета» (2006).

17. **Яна Пизинцали.** 1982 г.р. Поэт, журналист. Публикации: альманах «ОМК» (2004, 2006, 2007), «Свой Вариант» (2008, Луганск), журнал «Ренессанс» (2004, Киев), «Джерело» (2007) и др.

18. **Илья Рейдерман.** 1937 г.р. Поэт, мыслитель. Второе место в сетевом конкурсе «Сетевой Дюк» (категория «Поэзия», 2000). Публикации: антология «Украина. Русская Поэзия. XX век» (2008, Киев), альманах «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (№ 3, 2005, Москва), «ОМК» (2004, 2005, 2006, 2007), «Ковчег» (2007, Житомир), «Свой Вариант» (2008, Луганск), журнал «Октябрь» (2005, одесский номер) и др. Автор сборников стихов: «Мип» (1975, Кишинёв), «Пространство» (1997), «Бытие» (2002).

19. **Мария Савченко.** 1982 г.р. Поэт. Публикации: альманах «Свой Вариант» (2008, Луганск).

20. **Анна Стреминская-Божко.** 1963 г.р. Поэт. Заведующая сектором второй половины XIX – начала XX вв. Одесского литературного музея. 1-е место в литературном конкурсе «Серебряные Трубы» (2008, Одесса). Публикации: альманах «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (№ 1, Москва, 2003), «Дерибасовская угол Ришельевской» (2001, 2005), литературный журнал «Одесса» (1997), журнал «Сайгонская Культура» (2005, Сан-Франциско), газета «Литературная Ярмарка» (2000), коллективный поэтический сборник «Вольный Город» (1991). Автор сборника стихов «На Древнем Языке...» (2000).

21. **Валерий Сухарев.** 1967 г.р. Поэт, прозаик, музыкант. Публикации: антология «Украина. Русская Поэзия. XX век» (2008, Киев), альманах «Новое Русское Слово» (1995, Париж), «Крещатику» (2001, Германия), «Меценат и Мир. Одесские страницы» (№ 1, Москва, 2003), «Дерибасовская угол Ришельевской» (2006, 2007), «ОМК» (2007), коллективный поэтический сборник «Современность» (1992, Польша). Автор сборника стихов «Анонимность Пространства» (2000).

22. **Наталия Тараненко.** 1970 г.р. Поэт, художник, автор песен. Публикации: журнал «Литературная гостиная» (2000, 2002, 2005), коллективный поэтический сборник «Южный Ветер» (2003). Автор сборников стихов: «Пишу Стихи Свои как Дневники» (1994), «Слова – Рукоделие Моё» (1997), аудио-альбома «Магические Грани» (2006).

23. **Людмила Шарга.** 1963 г.р. Поэт, прозаик, педагог. Член Международного Общества Пушкинистов. Лауреат XV Международного литературного конкурса «Пушкинская Лира» (2-е место, 2005, Нью-Йорк). Лауреат Литературной премии им. А. Мицкевича (2006, Одесса, категория «читательские симпатии»). Публикации: журнал «Ave» (2004, 2005), альманах «Южный Город» (№ 5, 6, 8-10), коллективный поэтический сборник «Звёзды Южного Города». Автор сборников стихов и прозы «Адамово Ребро» (2006) и «На Проталинах Памяти» (2008).

24. **Алёна Щербакова.** 1976 г.р. Поэт, прозаик, художник, переводчик, автор песен. Публикации: альманах «Звукоряд» (2004, 2005), «ОМК» (2004, 2005, 2006, 2007), «Дерибасовская угол Ришельевской» (2004, 2006, 2007), «Свой Вариант» (2008, Луганск),

газета «Отражение» (2005, Донецк), журнал «Ренессанс» (2007), «Джерело» (2007), интернет-журнал «Пролог».

25. **Михаил Флоря** (Семён Росовский). 1976 г.р. Поэт, прозаик, музыкант, бессменный фронт-мен группы «Эос», получившей множество наград на фестивалях. Публикации: альманах «Свой Вариант» (2008, Луганск), интернет-журнал «Пролог».

26. **Марк Эпштейн**. 1963 г.р. Поэт, журналист, переводчик, преподаватель английского языка. Публикации: журнал «Октябрь» (2005, одесский выпуск) и др. Автор сборника стихов «Перемена Участи» (2002).

27. **Анна Яблонская**. 1981 г.р. Поэт, прозаик, драматург. Лонг-лист Российской премии «Дебют» в номинации «литературная критика» (2004), лонг-лист драматургического конкурса «Евразия - 2005» (2005, Екатеринбург), дипломант конкурса современной драматургии «Свободный Театр» (2005, Минск), 2-е место на международном конкурсе «Премьера.txt» (2005), 2-е место на международном конкурсе «Евразия» (2006). Публикации: альманах «ОМК» (2004, 2005, 2006, 2007), журнал «Октябрь» (2004 - 2006), интернет-журнал «Пролог» и др.

28. **Ефим Ярошевский**. 1935 г.р. Поэт, прозаик. Первое место в сетевом конкурсе «Сетевой Дюк» (категория «Крупная проза», 2000). Лауреат муниципальной литературной премии им. К. Паустовского (2006). Публикации: антология «Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России» (Москва, 2004), антология «Украина. Русская Поэзия. XX век» (2008, Киев), альманах «ОМК» (2002), «Меценат и Мир. Одесские страницы» (№ 1, 2003, Москва), «Крещатику» (2000, 2005), журнал «Арион» (2000, 2005), «Октябрь» (2005, одесский номер) и др. Автор книг: «Провинциальный Роман-с» (1998, Нью-Йорк), «Поэты Пишут в Стол» (2001), «Королевское Лето» (2005).

Список художников, чьи работы опубликованы в антологии:

- 1. Виталий Аликберов*
- 2. Вадим Гринберг*
- 3. Сергей Нежинский*
- 4. Игорь Павлов*
- 5. Юлия Петрусевичюте*
- 6. Константин Скопцов*
- 7. Наталья Тараненко*
- 8. Сергей Удовиченко*
- 9. Алёна Щербакова*
- 10. Алёна Яковлева*